Цусимские хроники. Мы пришли

Автор:
Сергей Протасов

Цусимские хроники. Мы пришли

Сергей Альбертович Протасов

Военная фантастика (АСТ)Цусимские хроники #1

Николай Нестеренко знал все о Цусимском сражении… После несчастного случая его сознание временно переместилось в голову вице-адмирала Рожественского. Узнав, чем закончится поход его эскадры, «первый после Бога» организовал во время перехода и вынужденных стоянок полноценную и эффективную боевую подготовку с использованием всех последних достижений военно-морской мысли того времени. Он смог добиться от подчиненных не тупого исполнения распоряжений командиров, а совместных действий, направленных на достижение цели в рамках полученного приказа. Обученные экипажи и решительные офицеры превратили разношерстное сборище кораблей в грозную силу, сумевшую за два дня боев круто изменить ход русско-японской войны. Но первый раз Цусима – это только начало…

Сергей Протасов

Мы пришли

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 125

© Сергей Протасов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Был поздний вечер пятницы. Ноябрь. Колька Нестеренко, хотя нет, Колькой он был лет двадцать – двадцать пять назад, а теперь Николай Иванович Нестеренко, механик хладокомбината пробирался домой по темным улочкам своего родного поселка.

Пробирался, потому что весь день шел дождь, а к вечеру заморозило, так что дорога, тротуары и стены домов блестели как стекло, и идти совсем не получалось. Можно было лишь пробираться мелкими шажками, избегая любых мало-мальски наклонных поверхностей.

День выдался непростым с самого утра. Механик на мелком предприятии – это и снабженец, и слесарь, а иногда даже и технолог в одном лице. Разные проверки, опять же. Снова все на нем. Начальство за все отвечает, а механик все обеспечивает. Как – это уже его проблемы. Задача поставлена, будь любезен, выполняй.

Вот и сегодня с утра озадачили, что к обеду приедет проверка по линии СЭС из области. В связи с очередной эпидемией очередного птичьего гриппа. Инженер-технолог уже третий день был на больничном по причине этого самого гриппа у одного из своих сыновей. А куда деваться, зарплата жены в два раза больше, поэтому бюллетенил у них в семье всегда он. Исходя из этого, все хлопоты достались исключительно Николаю Ивановичу.

Нет, на производстве у них был полный порядок, и директор за любое нарушение драл по три шкуры, все же страну кормим. Но проверка в любом случае проверка. И приезжает не для того, чтобы обнаружить полное соблюдение санитарно-гигиенических норм и технологии производства и

хранения продуктов и полуфабрикатов. Где-то в чем-то всегда найдутся изъяны. Бумаги соответствующие напишут, укажут руководству на недостатки. А потом уедут в полной уверенности, что тот ящик масла и коробка мясной вырезки килограммов под десять – пятнадцать в багажнике их служебной «Волги» образовались там сами собой и исключительно благодаря их заслугам.

Так было и в этот раз, только ассортимент багажника несколько расширился. В нем нашлось место еще коробке шоколада и пяти батонам колбасы разных сортов. Николая это все коробило, но деваться-то было некуда. С работой в поселке с каждым годом становилось все туже, а ездить на вахту на месяц от семьи, где трое ребятишек двух, четырех и семи лет, он категорически не хотел, поэтому и терпел, приспосабливался.

Семью свою он любил, и его любили и понимали. Да и вообще, у них дома хорошо все было. Даже несмотря на вечную свою занятость, Кольке удавалось выкроить время, так сказать, «для души». А душа у него еще с детства к кораблям прикипела. В поселковой библиотеке он уже к двенадцати годам перечитал по два-три раза все книжки, хоть как-то касавшиеся флота, особенно эпохи брони и пара. Вот и сейчас он нес домой новую книгу – о Цусимском сражении. Сегодня, совершенно случайно, пробегая мимо витрины книжного магазина, зацепился взглядом за обложку и не удержался – купил. Так что этим вечером, кроме обычных стимулов, тянущих семейного человека домой после трудного рабочего дня, был и еще один. Невтерпеж было завалиться на диван и наконец открыть эту книгу.

В предвкушении этого момента он немного зазевался, и ноги скользнули на коварном льду. Пытаясь удержать равновесие, Николай взмахнул руками, извернулся так, что где-то в боку мышцы затянуло, а все позвонки смачно хрястнули, и рухнул на колено, сильно зашибив его о тротуар. Не любил Колька материться, но тут само вырвалось.

От боли даже в глазах засверкало и все поплыло куда-то. Так и растянулся на льду в полный рост. Чуток полежав так и придя в себя, начал вставать на ноги. Пытаясь подняться, оперся на руки, встал на четвереньки и подполз к железному ограждению вдоль бордюра. Боль вроде бы стихала, нога двигалась, значит цела. Перебирая прутки ограждения, он уже почти поднялся и в этот момент увидел выскочившую из-за поворота желтую «Ниву». Кроме штатных фар на ней были еще четыре штуки на «кенгурятнике», и неслась она так, как будто не лед был кругом, а сухой асфальт.

Ослепленный мощным светом, Николай прикрылся рукой, но фары вдруг ушли в сторону, и он увидел, что прямо на него несется желтый бок автомобиля. В «Ниве» сидели четверо молодых парней и смотрели на него широко раскрытыми глазами. При этом все четверо что-то орали, а тот, что был за рулем, бестолково крутил его во все стороны, пытаясь поймать дорогу.

«Чего ж ты крутишь-то так, баран! Теперь уже бесполезно! Зачем гнал-то ты так!» – промелькнуло в Колькиной голове. Отпрыгнуть в сторону он уже не успевал, ноги никак не хотели стоять на льду. Оставалось только попытаться взобраться на ограждение, чтобы потом перескочить с него по верху через машину, благо багажника на крыше не было. Но ботинки подскользнулись на стылом железе, и Николай повалился на бок, успев лишь выставить вперед руки, почти сразу, с ходу упершиеся в задний левый угол крыши. Руки тут же отбило вверх, а по ногам, груди и животу машина ударила всем боком – и все…

Он уже не видел, как его швырнуло в стену дома, в которую спустя доли секунды впечаталась и сама «Нива», всего в десяти сантиметрах от его головы. Мощная яркая вспышка погасила все вокруг, а в уши хлынула липкая ватная тишина. Затем эта вспышка сошлась в круглое пятно, где-то впереди. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее Николай поплыл в этот светлый круг, не в силах пошевелить ни одним мускулом. Вдруг где-то над головой раздался стальной лязг, и властный голос скомандовал: «Задраить люки! Срочное погружение!» Свет впереди тут же погас. Вокруг была абсолютная тьма и тишина.

Первое, что Николай почувствовал, была легкая качка. Как на корабле. Затем было тепло постели и легкая вибрация. Затем появился звук… Это был звук работающей паровой машины, шедший откуда-то из глубины всего того, где он сейчас находился. Продолжая прислушиваться к себе, Николай пролежал так еще несколько минут. Несмотря на то, что руки-ноги были явно целы, потому что нигде ничего не болело, хоть сколько-нибудь пошевелиться не удавалось. Даже глаза открыть.

Холодный ужас захлестнул его, поднявшись откуда-то изнутри. Неужели все! Приплыли!

И тут же чей-то чужой голос где-то совсем рядом переспросил: «Что вы имеете в виду? И вообще, кто здесь?»

Ничего себе! Кто здесь?! Где здесь?! Раздвоение личности у меня, что ли?! Шизофрения?! Или это я головой так приложился, что мерещится всякое?!

А рядом кто-то начал быстро нашептывать молитву, поминая Николая Угодника. Это было совсем странно. Должны же были в больницу везти, а я, похоже, в церковь угодил, подумал Николай.

И тут же этот голос: «Как в больницу?! Почему?! Какая же больница в походе?! Это просто сон! Сейчас все пройдет!»

Николай решил помолчать и просто подождать продолжения, тем более что сам он ничего сделать по-прежнему не мог.

Второй голос закончил молиться, и глаза открылись. Но это были не Колькины глаза. Он как бы смотрел через них, но не управлял ими совершенно, так же как и всем остальным телом, которое начало подниматься с постели. Руки потерли лицо, но при этом Николай снова ничего не почувствовал. Он жадно осматривал место, в котором оказался. Судя по всему, это была просторная каюта на большом корабле. В иллюминаторе виднелось море, где-то далеко внизу. Рядом с кроватью бельевой шкаф, тумбочка, книжная полка. Много книг на русском языке. Все вокруг было каким-то старинным, хотя еще совсем новым и не обшарпанным.

К этому времени Колька уже понял, что если думать тихо, как бы про себя, шепотом, то этот другой ничего не слышит. И решил, что это, наверно, наркоз на него, то есть на Николая, так действует. Лежит он сейчас себе на операционном столе, а его после этой желтой «Нивы» латают, вот и мерещится всякое. О другом даже и помыслить боялся. Поэтому решил отнестись ко всему, что видел, как к фильму. Просто просмотреть до конца, и домой.

Между тем хозяин тела, в котором болтался сейчас Колька, занялся утренним туалетом. «Елки-палки, да у нас тут своя ванная!» – не удержавшись, мысленно воскликнул Николай, когда его носитель открыл дверь в соседнюю комнату.

Того как подкосило. Он сел прямо на пол, нет – на палубу каюты, и забормотал что-то невнятное. Удалось только разобрать «Кажется, я с ума схожу!»

Понемногу тот, другой, успокоился и начал одеваться. При взляде на него в зеркало Николая посетила мысль, что он знает этого человека. Прямой взгляд, правда, изрядные мешки под глазами. Лицо холеное. Недлинная борода, усы. Шишка, судя по всему, не маленькая. Адмирал, наверное, какой-то. А флот еще явно царский. В знаках различия он не разбирался, но, судя по мундиру и каюте, выходило так.

Закончив одеваться и осмотрев еще раз себя в зеркале, Колькин носитель заглянул в соседнее помещение, и Николай едва сдержался от нового вопля изумления. Оказывается, те апартаменты, в которых они сейчас находились, были всего лишь спаленкой, а за дверью был еще и салон. Точно! Так он и называется, наверно, адмиральский салон.

Фильм Николаю начинал нравиться. Он мысленно подгонял своего адмирала, чтобы тот скорее топал на палубу. Раз в голове мутится у товарища, так самое то воздухом подышать. Глядишь и прояснится, в кого это меня занесло. Они прошли по коридору, поднялись по трапу на палубу, повернули направо и прошли еще немного.

И тут Николай буквально обомлел. Картина, увиденная им, завораживала. Вот это был пейзаж! Они находились на палубе броненосца, где-то на кормовом мостике. Прямо под ногами находилась здоровенная башня главного калибра, а справа и слева торчали стволы шестидюймовых башен. Мимо сновали люди, адмирал с ними разговаривал, но Колька этого не замечал. Вокруг был океан до самого горизонта. А за кормой нестройной колонной шли еще три броненосца. Все пушки в башнях. Круглые борта. Точно… Тип «Бородино». За ними виднелись еще какие-то корабли, но из-за жирного черного дыма, густо валившего из труб броненосцев, их невозможно было как следует разглядеть. Все это зрелище поражало своей грандиозностью, мощью и красотой! Так это же мы на «Князе Суворове», выходит, сейчас находимся! А этот здесь, судя по всему, самый главный, то есть Зиновий Петрович Рожественский собственной персоной. Вон как перед ним все вытягиваются. И он эту всю силищу сейчас на убой ведет!!!

Эмоции захлестнули Николая. Он напрочь забыл о своем решении не обозначать своего присутствия. Он даже не замечал, что «носитель» пытается что-то сказать, что ему явно поплохело, настолько, что картинка поплыла перед глазами, а моргая, он уже очень медленно открывал веки.

Рядом кто-то суетился, откуда-то принесли раскладное кресло и усадили адмирала, послали за доктором. А в Колькином мозгу вихрем проносились мысли, связанные со второй тихоокеанской эскадрой. Вспомнилась та самая первая, еще детская обида за наших, проигравших Цусимское сражение. То непонимание, почему же они так и не смогли ничего сделать, даже и не пытались, по сути? Почему же просто тупо шли под японские снаряды, а потом и торпеды? Как мог их вести на это адмирал?! Чем он думал?! На что надеялся?! Вспоминалось все, что когда-либо читал: от хвастливых и явно не совсем достоверных описаний этого боя в японских источниках и до оправдывающих Рожественского – наших. И все, что было между этими крайностями.

Видимо, все эти картины были увидены и тем, в чьем теле сейчас Николай находился. Он схватился за голову и взмолился: «Господи! Помоги! Наставь на путь истинный!»

Услышав это, Николай опомнился. Ну вот! Нам теперь еще слез на глазах у подчиненных не хватало!

Собрав всю злость на этого человека, он мысленно рявкнул: «Прекратить истерику! Вы же русский офицер! Прикажите принести карандаш и бумагу, сидите, слушайте и записывайте!»

Теперь Колька знал, что надо делать, и боялся не успеть объяснить всего. Кто знает, надолго ли он тут. Кончится наркоз и все. Он тараторил все подряд, что приходило в голову. Начал с того, чтобы этот не смел орать на подчиненных. «Тебе же, дураку, с ними в бой идти! Ведь только на них, молодых и сильных, у тебя надежда! Из-под шпица ты много помощи получишь, как думаешь? Ты здесь самый главный, ты все решаешь! Только от тебя зависит, как дело повернется!» А потом, закончив выволочку, начал выкладывать все, что помнил: от боевой подготовки до отработки совместного маневрирования и связи в бою. Адмирал сначала просто слушал, как бы со стороны, но постепенно втянулся. Начал уточняющие вопросы задавать и писать.

Видимо, появился доктор, так как какой-то офицер заглядывал адмиралу в глаза, что-то спрашивал, но Николай не замолкал ни на минуту. Вскоре Рожественский встал и пошел обратно в свою каюту, отказавшись от помощи оказавшихся рядом офицеров. Просто сказал им, что устал и немного отдохнет у себя.

У дверей каюты стоял здоровенный матрос, вытянувшийся во фрунт. Адмирал приказал подать ему в каюту завтрак и заварить чаек покрепче.

Услышав это распоряжение, Николай мысленно похвалил своего носителя за правильный ход мыслей. Едва добравшись до письменного стола, продолжили быстро записывать основные идеи.

Так прошел час, два, а Нестеренко все так же оставался в голове Рожественского, и никаких признаков возвращения в свое тело не наблюдалось. Становилось все тоскливее.

Это не наркоз. Похоже, я надолго тут завис. Кто же меня сюда определил-то? И зачем? Что это за «срочное погружение»? Должен же быть какой-то смысл. Николай всегда верил, что во всем, что происходит, есть какой-то смысл. Может быть, его видно не сразу, но если каждый на своем месте все будет делать правильно и требовать этого от других, то у всех все будет хорошо. И все встанет на свои места. Но какой был смысл совать его, далеко не морского офицера, который и море-то видел всего пару раз и то с берега, в голову командующего целой эскадрой, призванной изменить ход неудачной войны. Что я могу-то? Что понимаю? Бредятина наивная какая-то!

Вдруг все вокруг начало блекнуть и таять, и вскоре погасло совсем. Все звуки также исчезли. Так. Это еще что такое? Николай ждал довольно долго. Но вокруг ничего не происходило. Мысли в мозгу неслись галопом. А домой, к своим, хотелось неимоверно.

«Может, это испытание для меня какое-то? Может, я помирать уже начал, не зря же свет видел и к нему летел, а мне последний шанс дали, чтобы я что-то такое учудил, чего и быть-то не может? Вот эта Цусима, например. Может, для того и впихнули меня в адмиральскую голову, чтобы я его заставил все правильно делать, а он – других?»

И тут Колька снова почувствовал себя в голове Рожественского.

«Намекают, что ли? Ну, держитесь тут все! Не рады будете, что заставили!»

Дальше начались будни. Сначала у адмирала, а потом и у всех…

Много времени прошло с того дня. Николай с Рожественским можно сказать сжились, научились общаться не вслух, а так, чтобы только друг друга слышать, даже рот не открывая. Со стороны должно быть казалось: «Чапай думает». Окружающие привыкли, а остальные, да бог с ними. Но когда снаряд с «Якумо» ударил в броню носовой двенадцатидюймовой башни на «Александре III» и его осколки как метлой прошлись по амбразурам боевой рубки, искромсав и загнув защитные козырьки, отброшенный ко входу в рубку, вместе со всеми, кто там в этот момент оказался, командующий Тихоокеанским флотом России и наместник императора на Дальнем Востоке, полный адмирал Российского флота Рожественский, придя в себя, не услышал в своей голове уже привычного голоса. Выбравшись из-под окровавленных тел, почти не видя ничего вокруг и уже теряя сознание, он громко звал Николая. А потом замирал, словно прислушиваясь. Вокруг стоял чудовищный грохот яростного боя. А склонившиеся над своим адмиралом уцелевшие офицеры сочли это следствием тяжелого ранения. Белый китель быстро пропитывался кровью, в ране на голове был виден мозг.

После вспышки взрыва, погасившей все вокруг, наступила неестественная, глубокая тишина. Затем свет сошелся в одну далекую яркую точку, которая продолжала удаляться и вскоре погасла совсем. Зато появился звук. Поначалу он был глухим и невнятным, но вскоре удалось разобрать: «Приходит в себя! Надо же! В рубашке родился!»

«Это что, про меня, что ли, сейчас сказали?» Николай открыл глаза. Было очень светло. Прикрыв веки, обвел глазами вокруг. Как-то это было необычно. Он не понимал, где находится, как попал сюда, не помнил. Но все ощущения были какими-то непривычными.

Над ним склонились четверо парней. Молодые, крепкие. У одного бровь рассечена и из раны еще течет кровь, у другого ухо покраснело и распухло, а из-под волос также стекает капелька свежей крови. Но они этого явно не замечают и хлопочут вокруг Николая.

Парни кажутся знакомыми, он где-то их видел, но вспомнить не удается. В глазах все плывет, тело болит. Как будто его, как старый ковер, повесили на забор и долго били палкой. Какие-то призрачные воспоминания тают где-то в

глубине сознания, но сосредоточиться не удается. Зато руки и ноги шевелятся, уже хорошо!

Чуть присмотревшись, нашел источник яркого света. Им оказались автомобильные фары, светящие куда-то вдоль улицы. Цвет машины не разобрать, но какой-то светлый. Зато марку удалось определить, это точно «Нива». Машина тоже кажется знакомой.

С той стороны, куда светили фары, появилась «Скорая помощь». Сверкая мигалками, подкатила к ним, уверенно затормозив на скользкой дороге. «Ну еще бы, на этих уазиках – скорой и полиции – уже давно и антибуксы, и антизаносы стоят, – мелькнуло у Николая в голове. – Стоп-стоп. Какой антибукс, какой антизанос? Это на уазике-то?! Еще скажи там АБС стоит! Хотя чего это я? АБС-ка вообще уже лет двадцать у них в базовой комплектации. Как-то перемешалось все в голове. Видно, здорово ей досталось. Ага! Припоминаю! Я домой шел. А эту «Ниву» на льду крутануло и на меня выбросило. А эти четверо на ней как раз и ехали, вот теперь и суетятся».

Из «буханки» выбрался доктор. Его встретил тот, что на «Ниве» за рулем был. Пока до пострадавшего шли, он ему рассказал вкратце, что случилось, так что врач сразу приступил к осмотру. Проверил руками Колькину голову. Потом каким-то прибором прозвонил позвоночник, подключившись к мизинцу на ноге и затылку. Спросил, как он себя чувствует и может ли говорить.

Говорить Николай Иванович мог и даже, кажется, встать уже мог. Что и попытался продемонстрировать, но ему категорически не позволили, заявив, что с этим спешить не надо. Закончив предварительный осмотр, вкололи что-то внутривенно, погрузили потерпевшего на носилки и отправили в больницу. Его сопровождал водитель «Нивы», которого так же тщательно проверили уже по дороге.

Быстро зарегистрировав в приемном покое, Николая на лифте подняли на третий этаж. Потом, на той же каталке, что он лежал в «скорой», его начали возить из кабинета в кабинет. Сначала рентген, потом МРТ, дальше еще какие-то обследования, названия которых он и не слышал даже никогда. Николай Иванович не успевал удивляться, когда же они успели это все понаставить, правда, и был-то он в больнице в последний раз лет десять назад, когда аппендицит вырезали. Но о проблемах здравоохранения и по «ящику», и по радио каждый день говорят. Хотя вроде там больше о врачебном чутье, которое

в двадцать первом веке уже сходит на нет. Без сложной аппаратуры типа даже насморк боятся лечить. Или у них все-таки оборудования не хватает? Да пес его знает! Чего-то закружили они меня совсем. Интересно, что за пакость они мне вкатили. Глаза прямо слипаются, и все тело как свинцом налилось. Скоро имя-то свое забуду. Хоть бы закатили уже куда-нибудь в уголок да дали тихо отлежаться! Словно услышав его мысли, медики прекратили все обследования и поместили пострадавшего в отдельную палату.

«Как-то это я удачно попал!» – мелькнуло в голове у Николая. Палата одноместная, телевизор, холодильник, шкаф для одежды и даже что-то типа тахты, это, наверное, для сиделок или посетителей. «Это что же я – в люксе, выходит, лежу? Могли бы и в обычную, восьмиместную, засунуть, как сосед рассказывал. Ему, когда ураган был, по башке сучком прилетело, так его без сознания в больницу привезли и в такую палату бросили. Именно бросили, потому, что врач к нему подошел только через день, когда жена все морги обзвонила, его в этой клинике нашла и всех на уши поставила. Хотя нет. Это он про свой отпуск рассказывал то ли во Вьетнаме, то ли в Японии. А это палата как палата. После аппендицита я в такой же лежал».

Не успел Колька оглядеться как следует, как прилетела жена. Вся встревоженная, натянутая, как струна. Увидела его и сразу в слезы. «Ну, здрасте! Приехали! Что за паника?! Считай просто на льду подскользнулся! Живой ведь! Чего реветь-то!»

Малость успокоившись, Любка рассказала, что врач, который Кольку первым осматривал, констатировал клиническую смерть в течение полутора минут. Это сразу после удара.

– Какой врач, чего он мелет! Я же помню, как «скорая» приехала!

– Это уже потом было. В той машине, что на тебя вынесло, ехали парни молодые, так вот тот, что за рулем был, военный хирург. Он в Маньчжурском округе служит, сюда в отпуск к родителям приехал. Они с рыбалки ехали, а им под колеса мальчишка какой-то сиганул с тротуара. Они от него шарахнулись, вот их на тебя и бросило. Я это сама на записи камер наружного наблюдения видела. Мне пэпээсники показывали, пока сюда везли. Считай он тебя и «откачал». «Скорая» уже только сюда привезла, да проверили тебя тут как следует. Все удивляются, как легко ты отделался, а я все поверить боялась, пока сама не увидела! Вот медики книгу там подобрали, говорят, ты нес, а после аварии

выронил.

В голове у Николая вообще все пошло кувырком. Начиная от камер наружного наблюдения, которые вроде бы у них в поселке стояли только на отделении полиции, зданиях банка, администрации и школы, но это все было очень далеко от того места, где он под машину попал. А с другой стороны, какая-то вторая память подсказывала, что эти камеры уже лет восемь – девять как по всему поселку расставили. И из любой полицейской машины можно было выйти на любую из них. Колька даже сам этим пользовался, когда их пес пропал. Тогда из патрульной машины за пять минут его выследили и нашли.

А потом этот Маньчжурский округ! Это еще что за новости. Мысли явно начинали буксовать. Глаза открывались с трудом. Он просто лежал, смотрел на свою жену и улыбался, почти не улавливая, о чем она говорит. Было хорошо и спокойно, как после очень тяжелой и ответственной работы, которая выжала весь организм до капли. Зато сейчас, с чувством полного удовлетворения, можно позволить себе отдохнуть.

Вскоре появился врач, обнаруживший почти заснувшего пациента. Люба уже просто сидела рядом и держала его за руку. Доктор принялся объяснять ей, что больному нужен отдых и лучше будет навестить его завтра.

Николай малость очнулся и сказал жене, чтобы она шла к детям, что он скоро домой вернется. Она согласилась, сунула ему в руку книжку и, поцеловав, вышла из палаты. Проводив её взглядом, Колька еще какое-то время лежал, тупо глядя в потолок. Потом решил взглянуть, что же за книжонку он сегодня урвал. Бегло пролистав страницы с текстом, начал рассматривать фотографии в конце, и тут… Его словно прострелило. Забыв про наваливавшийся еще секунду назад сон, он уселся на кровати и вылупился на картинку. Точнее даже не на саму картинку, а на подпись под ней.

Под хорошей, современной цветной фотографией было написано: «Эскадренный броненосец «Князь Суворов» – корабль-музей во Владивостоке». Еще с минуту он ошарашенно хлопал глазами, пытаясь понять, не бредит ли он. Ущипнул себя за щеку. Больно! Прислушался.

Где-то в коридоре громко работал телевизор. Шли новости. Спокойный голос диктора рассказывал о спуске на воду в Санкт-Петербурге нового авианесущего

крейсера типа «Варяг».

Уже двенадцатого в серии и первого, построенного для ВМС Франции, где он будет называться «Мистраль». Всего контрактом предусмотрено строительство двух таких кораблей. Причем кормовую часть для обоих с силовой установкой строят сами французы, а уже на Балтийской верфи в доке ее присоединяют к готовому корпусу. Часть вооружения также будет французским. Но в составе авиагруппы будут российские самолеты с вертикальным взлетом ЯК-141.

«Вот это да! Так это мы французам «Мистрали» строим, а не они нам? Хотя чему тут удивляться? У них был Трафальгар, а у нас была ЦУСИМА!» И при этом воспоминании всплыли ассоциации о невиданном ни до, ни после разгроме, и… огромная гордость за страну и флот, этот разгром учинивших. За эту невероятную и блестящую победу кое-как собранной, недоученной, измотанной восьмимесячным переходом в тяжелейших условиях эскадры над мощным, опытным, перевооруженным, подготовленным и отдохнувшим японским объединенным флотом!

Теперь все встало на место. Теперь все так, как и должно быть. Путаница в голове моментально улеглась. Навалилась огромная усталость, и Николай Иванович провалился в крепкий здоровый сон.

Поход

Мы эскадры вели за три моря,

От жары в своем поте варясь!

Воевать мы учились в походе,

Так, чтоб песни слагали о нас!

Глава 1

Неудачи первых месяцев русско-японской войны, явившиеся следствием неготовности к ней Российской империи, побудили генеральный штаб к поиску способов усиления морских сил на театре военных действий. В условиях, когда боеспособность японской армии целиком зависела от надежности её снабжения из метрополии, господство на море являлось решающим фактором в войне. Действия Владивостокского отряда крейсеров не могли серьезным образом повлиять на морские перевозки противника в Корейском проливе ввиду явного недостатка сил, а порт-артурская эскадра, оказалась недостаточно мощной для овладения морем. Исходя из этого, было принято решение о срочном формировании второй тихоокеанской эскадры для достижения безусловного превосходства над японским объединенным флотом.

Подготовка и снаряжение второй эскадры для флота Тихого океана велись на Балтике с апреля по сентябрь 1904 года. При этом постоянно возникали задержки, вызванные трудностями со снабжением, достройкой и ремонтом кораблей. Отсутствие у Российского генерального штаба, даже в черновом виде, плана ведения войны и связанного с ним плана мобилизации и развертывания вызвало низкую готовность тыловых портовых служб к обеспечению флота всем необходимым. Никаких предварительных запасов не делалось, так что для эскадры собиралось всё буквально с миру по нитке, с бору по сосенке.

Слабая оснащенность ремонтных мастерских в Кронштадте, Ревеле и Порте Александра III (Либава), а также недостаток материалов, к чему добавлялась ещё и недостаточная мощность казённых адмиралтейств Петербурга, вынудили руководство флота поручить практически весь ремонт Балтийскому заводу, который, в свою очередь, для сокращения сроков выполнения работ привлек к заказу несколько частных фирм. В общем и целом им удалось неплохо справиться с работой и, что самое важное, почти уложиться в отведенные сроки.

На судостроительных заводах Нового адмиралтейства и Галерного островка в авральном темпе успели достроить эскадренные броненосцы «Бородино» и «Орел», чьё строительство к тому времени уже сильно затянулось. Также были закончены все работы и на транспорте-мастерской «Камчатка». Из-за ускоренных темпов достройки новейших кораблей на последнем этапе качество работ часто было не на должном уровне, но времени на исправление брака уже не оставалось, и в большинстве случаев корабли принимались в казну даже без

проведения полноценных испытаний. При этом планировалось провести все необходимые исправления и доводки в период освоения кораблей экипажами, для чего к каждому броненосцу приписывался свой корабельный инженер-судостроитель, участвовавший в его достройке. Кроме того, инженера получил и «Сисой Великий». Общее руководство всеми этими работами возлагалось на старшего инженера-строителя Е. С. Политовского. Доводка кораблей в процессе начала их службы, в свою очередь, до крайности осложняла и задерживала прохождение курса боевой подготовки.

Существенно тормозили снабжение и бюрократические проволочки, что, в конце концов, вынудило отвечавшего за снаряжение эскадры главного командира Балтийского флота вице-адмирала А. А. Бирилёва распорядительным порядком отменить многие ограничения, связывавшие строителей, что существенно ускорило дело.

Снижение уровня требований при приемке выполненных работ и отмена либо радикальное сокращение некоторых испытаний сильно сказывались на боеготовности сданных флоту кораблей. Начальник ГМШ Зиновий Петрович Рожественский, непосредственно занимавшийся этим и назначенный командовать формирующимся соединением, слишком много времени уделял канцелярской работе, решая, в общем-то, не свойственные начальнику столь высокого ранга вопросы. Его положение позволяло не обращать внимания на требование МТК до начала похода провести опытное определение остойчивости новых броненосцев. Также были проигнорированы рекомендации к выработке мер по их разгрузке, ввиду допущенной заводами большой строительной перегрузки кораблей. Из соображений экономии времени мало-мальски проверялись лишь главные механизмы новых кораблей, а проверку и доводку всего остального предстояло провести уже вдали от родных берегов. Поэтому на каждый броненосец принималось неимоверное количество запчастей, материалов и прочего лишнего оборудования, вес которого на некоторых кораблях перевалил за 1000 тонн.

Но при комплектовании эскадры никем не поднимался вопрос об учете опыта боевых действий в вопросах вооружения и подготовки личного состава и офицеров. Из важных новшеств, необходимость которых была очевидна еще до войны, на второй эскадре появились горизонтально-базисные дальномеры «Бар энд Струдда» с базой 1,2 метра, которые имелись на всех броненосцах и крейсерах. Также удалось снабдить корабли оптическими прицелами системы капитана Перепелкина для орудий калибром от 75 миллиметров и выше. Давно

устаревшие чугунные снаряды в боекомплектах были заменены на стальные, а вместо старых бронебойных шестидюймовых снарядов в погреба были приняты новые с «макаровским наконечником».

Единственным нововведением по опыту боев было оборудование боевых рубок горизонтальными противоосколочными козырьками из 51-миллиметровой брони. Но при этом не было предпринято никаких мер для уменьшения размеров самих амбразур этих рубок и усиления противоосколочной защиты артиллерии, особенно в открытых палубных установках.

На всех больших кораблях, и даже миноносцах, были установлены радиостанции германской фирмы «Телефункен», но к моменту выхода эскадры в поход они еще не были достаточно освоены личным составом. При своем техническом несовершенстве, ненадежности и недостаточной дальности действия, они, тем не менее, открывали новые широкие возможности для управления эскадрой на дальностях до 50 миль.

После императорского смотра с последующим напутствием вторая эскадра Тихого океана собралась в Либаве к концу сентября, где, приняв уголь, воду и прочие припасы отправилась в плавание.

Этот поход, не имеющий аналогов в истории парового флота, начался 2 октября 1904 года. Поскольку Россия находилась в состоянии войны с Японией, русские корабли не имели возможности заходить в нейтральные порты для выполнения необходимых ремонтных работ, даже на погрузку угля и продовольствия в чужих гаванях накладывались очень жесткие ограничения. До этого лишь англичане на отряде броненосцев отважились совершить поход от Британских островов до мыса Доброй Надежды, но при этом они располагали своими базами на всем пути следования, где могли спокойно ремонтировать корабли и дать отдых экипажам.

Русская эскадра состояла из новых эскадренных броненосцев: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя», а также их устаревших собратьев «Сисой Великий» и «Наварин», старых броненосных крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской», крейсеров первого ранга: «Аврора», «Светлана» и второго ранга «Алмаз» и «Жемчуг». С эскадрой шли эсминцы: «Быстрый», «Бравый», «Бодрый», «Безупречный», «Бедовый», «Буйный», «Блестящий», «Прозорливый». Организационно эскадра была разделена на два броненосных отряда и отряд крейсеров. Первый броненосный

отряд, состоявший из новейших и самых мощных броненосцев типа «Бородино», возглавлял командир «Суворова» капитан первого ранга В. В. Игнациус, второй броненосный отряд из «Осляби» и старых кораблей контр-адмирал Д. Г. Фёлькерзам, державший свой флаг на «Ослябе». Крейсерами командовал контр-адмирал О. А. Энквист, флагман «Алмаз». Флагманским кораблем эскадры был эскадренный броненосец «Князь Суворов», на котором разместился штаб вице-адмирала З. П. Рожественского.

Двигались в четыре эшелона в сопровождении обоза из транспорта-мастерской «Камчатка», морского буксира «Роланд», позже переименованного в «Русь», шести транспортов и ледокола «Ермак». На Черном море снаряжались еще семь транспортов для этой эскадры, с которыми должны были встретиться где-то в пути. У транспортов был свой главнокомандующий – капитан первого ранга О. Л. Радлов. Грузить уголь планировали в подходящих для этого бухтах либо прямо в море. Обеспечение топливом на маршруте взяла на себя Гамбургско-Американская пароходная компания. Пополнять запасы провизии предполагалось в нейтральных портах, а также снабжением русского купца М. А. Гинсбурга и нескольких иностранных фирм, с которыми были заключены соответствующие контракты. За тыл и снабжение отвечал известный военно-морской администратор капитан второго ранга А. Г. Витте.

7–8 октября у мыса Скаген грузили уголь, после чего отправили обратно за ненадобностью «Ермак» и «Прозорливый», у которого потек холодильник. С самого начала перехода к адмиралу Рожественскому всякими путями поступала информация о повышенной активности японцев в балтийских проливах и Северном море. Высказывались предположения о большой вероятности минных атак на достраивавшихся в Англии для Японии миноносцах, поэтому по эскадре был отдан приказ на следующем переходе «идти с заряженными орудиями и повысить бдительность». Балтийские проливы прошли спокойно, но нервы у всех были на взводе.

При проходе Доггер-банки с отставшей от эскадры «Камчатки» были получены радиограммы о преследующих её миноносцах. Вскоре и с эскадры были обнаружены подозрительные затемненные силуэты, пытавшиеся прорезать строй русских кораблей. Немедленно началась стрельба, бестолковая и неуправляемая. Многие офицеры утверждали, что видели от трех до пяти миноносцев, и приказывали стрелять по ним. Палили без разбора во все стороны, во все, что попадало в поле зрения.

Итогом этой перестрелки стали пять попаданий с «Суворова» в «Аврору», а миноносцами оказались английские рыболовные траулеры, занимавшиеся ловлей сельди. Одно из рыбацких судёнышек было потоплено, а еще четыре получили повреждения. При этом погибли и были ранены несколько рыбаков, один матрос и священник с «Авроры». Этот инцидент, наглядно показавший степень подготовленности наших экипажей, получил название «Гульский», по порту приписки обстрелянных траулеров.

В английских газетах это происшествие вызвало бурю негодования. Русскую эскадру называли эскадрой бешеной собаки и требовали её немедленно уничтожить. Броненосцы и крейсера Английского флота канала сопровождали нашу эскадру до испанского порта Виго, где планировалась погрузка угля.

Но едва наши корабли вошли в гавань, как англичане потребовали покинуть порт и проследовать дальше, не позволив пополнить запасы. Рожественский двинулся на юг. Теперь его сопровождали лишь девять английских крейсеров. Следуя за эскадрой до Танжера, англичане лихо маневрировали и перестраивались на виду у русских. Все маневры выполнялись безупречно, быстро и четко, что вызывало законную зависть у наших офицеров. На протяжении всего перехода до Танжера командующий находился в дурном настроении. Штабные офицеры не раз слышали от него пессимистические предположения на тему нехватки угля посреди океана, вдали от основных транспортных путей. Эта идея постепенно полностью завладела рассудком Зиновия Петровича.

Обеспокоенный неудавшейся погрузкой топлива в Виго, Рожественский издал приказ по эскадре о приемке топлива для всех кораблей. Им предписывалось засыпать углем все свободные отсеки, вплоть до котельных отделений, не задействованных при движении эскадренным ходом. Что и было исполнено в Танжере. «Аврора» имела полностью засыпанную углем среднюю кочегарку, а все остальные корабли – второе котельное отделение, это не считая части помещений жилой палубы экипажа на всех кораблях. По эскадре поползли слухи, что командующий слегка свихнулся на угольной почве. Вообще в последнее время он стал заметно больше нервничать, порой необоснованно срываясь на крик, позволяя себе даже откровенно оскорбительные высказывания в адрес офицеров.

После получения снабжения в Танжере эскадра разделилась. Контр-адмирал Фелькерзам с «Сисоем», «Навариным», «Светланой», «Жемчугом», «Алмазом»,

миноносцами и большинством транспортов пошел через Средиземное море и Суэцкий канал, а самые новые и крупные броненосцы, чья большая осадка не позволяла следовать этим маршрутом без разгрузки кораблей, вместе с «Авророй», «Нахимовым» и «Донским» продолжили движение вокруг Африки.

Глава 2

На второй день после выхода из Танжера адмирал вдруг заболел. По рассказам офицеров, выйдя утром из своей каюты, он имел какой-то странный вид, был бледен лицом и временами разговаривал сам с собой. Поднявшись на кормовой мостик, вдруг потребовал карандаш и бумагу, тут же начав что-то быстро записывать, словно под диктовку, иногда задавая себе самому какие-то вопросы и как бы мысленно на них отвечая. Чертил на листах непонятные схемы, порой черкая их и выбрасывая за борт. Пытавшихся приблизиться к нему офицеров отстранял резким движением руки, будто боялся спугнуть кого-то. Потом потребовал папку, куда стал складывать исписанные и исчерченные листы. Так продолжалось более двух часов. Затем он встал, постоял с минуту в задумчивости с каким-то странным блеском в глазах, чуть улыбаясь, и удалился обратно в каюту, откуда не выходил два дня. Со слов его денщика, там он продолжал писать, но более уже не заговаривался, временами начиная ходить из угла в угол, разминая затекшие ноги и спину. Курил очень много, но не пил вовсе, только крепкий чай. Зная его крутой нрав и резкость в общении с офицерами, беспокоить его никто не решался, благо необходимости в этом не было. Эскадра шла своим курсом, английские крейсера отстали, и ни одного судна за эти дни встречено не было.

С утра на третьи сутки после «приступа» капитан второго ранга Семенов и лейтенант Свенторжецкий из адмиральского штаба решили зайти к нему, чтобы проверить, здоров ли он. Несмотря на ранний час, адмирал сидел за своим столом и работал с бумагами, только это были совсем не те бумаги, что все привыкли видеть у него на столе.

К обычной канцелярии они не имели абсолютно никакого отношения. Та самая папочка двухдневной давности разрослась в три солидные стопки схем, чертежей, таблиц и каких-то записей с многочисленными правками. Огромный стол был завален всевозможными справочниками по корабельному составу,

свойствам сталей и их сплавов, современным артсистемам и боеприпасам и еще бог знает какими книгами и таблицами. В руках Зиновий Петрович держал лист бумаги, исчерченный одному ему понятными схемами, настолько плотно, что без пояснений в них решительно ничего нельзя было разобрать.

Увидев вошедших, Рожественский даже обрадовался.

– Вы очень кстати, господа! Необходимо собрать совещание штаба, немедленно. Нам есть что обсудить.

При этом выглядел он вполне здоровым, улыбался, и в нем совершенно не ощущалась та подавленность, которую все чувствовали последние две недели. Денщика отправили за остальными штабными офицерами, и вскоре началось первое совещание штаба эскадры, посвященное подготовке к предстоящей встрече с японским флотом.

Как только все собрались, Зиновий Петрович обратился к своим подчиненным с речью о том, что тот флот, что они ведут, есть последняя надежда России.

– И мы должны сделать все, что от нас зависит, и даже намного больше, чтобы оправдать эту надежду. Мало просто дойти до театра боевых действий, нужно привести туда мощную организованную эскадру с хорошо подготовленными экипажами и командирами. Чтобы побить японцев, мы должны понимать, как они думают, а думать они учились у англичан. Исходя из этого, считаю весьма полезным изучить все последние идеи в области военно-морской тактики, до чего додумались «просвещенные мореплаватели», а особенно внимательно все, что касается последних больших маневров королевского Британского флота 1902 года. Думаю, об этом можно будет узнать из ежегодника лорда Брассея. Мы должны получить все, что напечатано по этому поводу, а также все публикации о новациях в области военно-морской тактики. Поручаю это лейтенанту Церетели. Вот приказ, вам надлежит сегодня же отбыть на любом транспорте – на ваше усмотрение – и, с максимально возможной скоростью, следовать в Тулон, там, я думаю, вам удастся найти все, что нужно. Попутно закупите полторы сотни самых новых моделей телефонных аппаратов, обязательно с хорошей слышимостью, и телефонного кабеля, хотя бы километров двадцать, а также не менее полусотни листов котельного железа, желательно полудюймовой толщины и немецких мешков для погрузки угля[1 - Специально приспособленные для погрузки угля прочные мешки, сшитые из двойной парусины и обшитые по краям тросами. Твердые, кубической формы.

Стояли в трюме словно корзины, что позволяло насыпать в них уголь сразу трем грузчикам. Каждый мешок вмещал до семнадцати пудов угля (272 кг).]. Потребное количество этих мешков согласуете со старшими механиками кораблей и помножите на два. Это будет вашей официальной легендой. Необходимые для этого средства получите у начальника тыла. Приказ для него уже подготовлен. В Генеральный Морской штаб я пошлю телеграмму с просьбой оказать вам всемерную поддержку в сборе нужной нам информации. Обратитесь в первую очередь к нашему военному атташе. Затем догоняете отряд Фелькерзама и вместе с ним следуете на соединение с эскадрой. По пути у вас будет время на изучение полученных документов, так что по прибытии я жду от вас развернутого доклада на тему, чем все то, что вы найдете, отличается от «Рекомендации для похода и боя» разработки адмирала Макарова. В чем преимущества и недостатки всех доктрин.

Далее адмирал сказал, что ждет от каждого предложений по организации боевой подготовки экипажей, как матросов, так и офицеров, чем немало удивил присутствующих, уже успевших привыкнуть к тому, что командующий, зарывшись в «бытовухе», давно спустил это дело на самотек.

Огорошив всех таким неожиданным поворотом с самого начала, Рожественский продолжал в том же духе еще два с лишним часа, раздавая поручения, подкрепленные соответствующими приказами, в которых были четко прописаны требования и сроки выполнения.

Закончив со штабом, адмирал вызвал к себе командиров, механиков и старших офицеров всех кораблей эскадры. Совещание с ними продолжалось больше часа, и они тоже выходили из адмиральского салона в немалом изумлении, держа в руках бланки приказов и какие-то схемы.

Потом настал черед старшего инженера-механика Политовского, которого озадачили срочным представлением таблиц остойчивости и строительной перегрузки для новых броненосцев, составлением графиков профилактической переборки главных механизмов, с целью поддержания их в максимально хорошем техническом состоянии для всех кораблей эскадры, в том числе и тех, что сейчас шли через Средиземное море. А также списка необходимых запасных частей и материалов, с учетом поломок, которые уже произошли. В срочном порядке ему было приказано разработать план мероприятий по максимальной разгрузке кораблей. При необходимости считалось возможным удаление части шлюпок и надстроек и даже некоторое ослабление вооружения, вплоть до

снятия всех орудий калибром 37–47 миллиметров, пулеметов и минного оружия.

Еще не вышел от адмирала Политовский, а уже послали за инженером с «Камчатки», который получил, по прибытии, приказ разработать и изготовить дополнительную противоосколочную защиту на смотровые щели рубок и амбразуры башен. Также нужно было установить на все корабли противоосколочные экраны вокруг дымовых труб, хотя бы на высоту 6–7 футов от палубы. При этом, поставив задачу, адмирал вручил ошарашенному инженеру начерченные от руки предварительные эскизы всех этих изделий.

Наконец, последним в этот день к адмиралу был вызван флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий, с которым командующий до самой ночи обсуждал возможные варианты ускоренной подготовки комендоров. При этом на столе у него, среди прочих, лежала изданная во Владивостоке брошюра «Памятка для комендоров и прислуги орудий каждого калибра и их погребов». Эту книгу привез с собой Свенторжецкий с Дальнего Востока и уже давно передал для ознакомления Рожественскому вместе с другими работами офицеров дальневосточной эскадры, такими, как «Памятная книжка для патронных шестидюймовых орудий» лейтенанта Ф. Р. Скорупо с «Рюрика» и «Курс артиллерии для учеников комендоров» лейтенанта К. А. Плансона с «России». В суете подготовки эскадры к походу о них больше никто не заговаривал, но, как оказалось, Зиновий Петрович все же их внимательно изучал, судя по множеству закладок. В разговоре два артиллерийских офицера довольно быстро сошлись во мнении, что эти издания необходимо дополнить и улучшить.

Очень большой интерес у командующего вызвало упоминание о проведенной еще в 1900 году на крейсере «Россия» по инициативе лейтенанта В. Б. Корбера военно-морской игре. Основой для игры были разработки английского историка и теоретика, издателя известного ежегодного справочника кораблей Ф. Т. Джейна. Рожественский очень быстро ухватил суть этой игры, позволяющей достаточно точно моделировать любые боевые ситуации, и после полуторачасового обсуждения она была признана необходимой к внедрению на эскадре, причем в кратчайшие сроки, однако нуждалась в максимальном упрощении, чтобы иметь возможность проигрывать за два, максимум три часа несколько вариантов развития событий.

К лейтенанту Церетели тут же отправили нарочного с пакетом от адмирала, в котором было распоряжение собрать также все последние докладные записки по артиллерии и способам управления огнем, имеющиеся в МТК и ГМШ, и, кроме

того, все сведения по проведенным где-либо штабным военно-морским играм. Для этой цели выдавалась приличная сумма из личных средств адмирала на телеграфные расходы. С этого дня жизнь на эскадре закипела. От сонной монотонности не осталось и следа. Работы хватало всем.

«Переболев», адмирал очень изменился. Причем изменился во всем. Если раньше он не доверял никому и ни в чем и абсолютно все волок сам, вникая порой в самые мелочные вопросы и потонув в бумагах, то теперь он спихнул всю канцелярию на Кржижановского и Максимова с писарями. Всю дипломатию и политику при решении проблем с местными властями в точках предполагаемых стоянок эскадры, заодно с вопросами снабжения кораблей всем необходимым для плавания поручил интенданту Витте, а сам целиком погрузился в боевую подготовку.

От его начинавшегося «угольного помешательства»[2 - «Угольным помешательством» назвали на эскадре стремление Рожественского максимально загрузить корабли углем. Так, при бункеровке в Танжере углем завалили бани команды, коридоры, часть котельных отделений и жилых палуб. Условия жизни при этом становились просто адскими, учитывая тропическую жару, неизбежную грязь и проникающую всюду угольную пыль.] не осталось и следа. Теперь, согласно его новому приказу, грузить уголь сверх нормального запаса категорически запрещалось, чтобы не усложнять условия обитаемости на кораблях. А продолжительность погрузки не должна была превышать шестнадцати часов (вместе с приборкой).

Теперь вместо перегрузки кораблей топливом уголь предписывалось всемерно экономить. Для чего следить за исправностью механизмов, избавить корабли от лишних грузов и очистить подводную часть корпуса от растительности. Но в то же время на условиях обитаемости команд эта экономия не должна была сказываться никоим образом.

В общении с офицерами он стал заметно мягче, лично спрашивая мнение младших офицеров штаба и флагманского броненосца по различным вопросам подготовки экипажей, спокойно их выслушивая и не принимая в штыки, активно участвуя в обсуждении. Не позволял себе больше резких жестов, в то же время требуя от подчиненных не тупого исполнения приказов, заставляя думать и высказывать свои соображения, пусть даже самые невероятные, непременно вникая во все детали.

Особенно показателен в этом отношении инцидент, произошедший между командующим и старшим инженером на следующий день после того самого первого совещания. Встретив Политовского утром на палубе, адмирал поинтересовался: «Какие соображения относительно разгрузки кораблей имеет господин инженер?» Будучи человеком гражданским, не связанным, в большой мере, рамками субординации, да еще и после ночи, проведенной в машинном отделении «Сисоя» за ремонтом донных помп, Политовский вскипел.

– Для выполнения ваших поручений необходимо провести кренование кораблей и массу сложных вычислений, с использованием данных, которые возможно получить лишь после множества промеров, невозможных в открытом море и на переходе, а вам потребно все и непременно сейчас!

Причем высказано это все было на повышенных тонах, почти на грани истерики. Офицеры, ставшие невольными свидетелями этой сцены, ожидали вспышки адмиральского гнева. Но вместо этого Зиновий Петрович бросил через плечо оказавшемуся рядом Максимову, чтобы тот сегодня же оформил приказ начальнику по тылу на всех стоянках и во время переходов оказывать всемерную поддержку машинным командам в выполнении неотложных работ, а пожеланиям старшего механика эскадры следовать неукоснительно. После чего пожал руку Политовскому, поблагодарив его за серьезное отношение к делу. При этом сказал, что в случае возникновения любых осложнений тот может в любое время обращаться за помощью хоть к нему, хоть к любому офицеру его штаба.

Поначалу некоторые новации Зиновия Петровича вызывали у офицеров усмешки. Так, например, он приказал корабельному плотнику изготовить из дерева модели кораблей своей эскадры и японского флота размером со спичечную коробку. Когда заказ был готов, он снова созвал штаб на совещание и предложил «поиграть в кораблики», при этом часть офицеров играла за русских, а часть за японцев. Отнесясь сначала к этому предложению как к розыгрышу, вскоре все втянулись в игру, обсуждая преимущества и недостатки построений и маневров. Совещание затянулось более чем на три часа, и никто уже не смеялся. Преимущества наглядности были слишком очевидны.

Начав учебу, два дня занимались исключительно теорией. Натаскивали сигнальщиков в чтении и передаче двухфлажных сигналов, офицеров и рулевых в правильности и четкости отдачи команд и их выполнении. Наконец на третий день попытались маневрировать всей эскадрой. Вышло отвратительно! Путались

сигнальщики, ошибались командиры кораблей и рулевые матросы.

Так, при поднятии сигнала «Поворот все вдруг влево» «Бородино» пошел вслед за флагманом, чтобы повернуть последовательно, но затем, поняв свою ошибку, повернул влево и добавил ходу, чтобы догнать остальных, при этом едва не задел корму «Суворова». Перестроение в строй пеленга заняло больше получаса, при этом «Суворов» и «Александр III» столкнулись бортами, к счастью почти без повреждений. При развороте все вдруг на обратный курс «Орел» повернул только на 90 градусов и выкатился из строя. Заметив это, шедший следом «Нахимов» тоже довернул в ту же сторону, а бывший впереди «Александр» после разворота чуть не уперся в борт «Орла» и был вынужден отвернуть ему за корму. В результате строй рассыпался и корабли сбились в бестолковую кучу.

Едва удалось восстановить строй, адмирал потребовал к себе всех рулевых, командиров и сигнальщиков. Эскадра продолжила следование южным курсом семиузловым ходом, а катера со всех кораблей свозили на флагманский броненосец повинных офицеров и матросов для экзекуции, как всем думалось, но оказалось – для экзамена и разъяснительной работы.

Как только все вызванные «на ковер» собрались, началось! Сначала самым дотошным образом офицеры адмиральского штаба опросили сигнальщиков на предмет знания двухфлажного сигнального свода, при этом одновременно проверялись рулевые, офицеры и матросы на знание и правильное исполнение команд, получаемых от флагмана. После чего сигнальщики, построенные на юте «Суворова» под наблюдением начальника штаба Клапье де Колонга должны были читать сигнал, поднятый на фалах флагманом, и передавать его своему командиру, а тот, в свою очередь, отдавал команды рулевым матросам, которые маневрировали на палубе юта, в строгом соответствии с полученными распоряжениями. Через полтора часа что-то начало получаться.

Устроили перерыв на обед, а после повторили все с самого начала, только маневры исполнялись уже на паровых катерах, в то время как эскадра легла в дрейф. На следующий день все повторилось снова, с той лишь разницей, что эскадра, в промежутках между катерными маневрами, шла временами всего на 5–6 узлах из-за аварий в машинах сначала «Бородино», потом «Нахимова». После повторили все с самого начала, только маневры исполнялись уже на паровых катерах, на палубе юта, а адмирал наблюдал за эволюциями катеров с марса грот-мачты, сбрасывая на палубу записки с командами, которые передавались сначала семафором или фонарем (по усмотрению Рожественского) на

командирский мостик, а затем далее на «потешную эскадру», как её сразу же прозвали матросы. К вечеру второго дня маневров уже что-то стало получаться, хотя еще и случались накладки. К восьми часам вечера, передав семафором: «УЧИТЬ УРОК!», катера были отпущены по домам. В дальнейшем подобные маневры стали повторяться довольно часто, как только позволяла погода.

Не реже одного раза в неделю стали проводиться «ШТАБНЫЕ ИГРЫ» с непременным участием командиров кораблей и младших флагманов. При этом часть офицеров играла за японцев, а часть за русских, с использованием моделей, заказанных плотнику. Флоты расставлялись на здоровенном щите, расчерченном на квадраты. Каждая сторона квадрата принималась равной 5 кабельтовым. Этот щит, ввиду своих внушительных размеров, был собран в адмиральской столовой на обеденном столе. Модели кораблей передвигались специальными указками, сообразно скорости их хода. К каждой штабной игре командиры кораблей и офицеры штаба были обязаны разработать свои планы ведения боя с японским флотом, которые потом защищали на общем собрании. После чего жеребьевкой выбирались три из них, которые и разыгрывались на планшете, в случае если не было особо спорных вариантов.

После одной из таких игр командир эскадренного броненосца «Ослябя» предложил завести такие планшеты, только уменьшенные, чтобы помещались на стене, в боевых рубках каждого флагманского корабля, чтобы на них, хотя бы карандашом, отмечать реальную боевую обстановку, поскольку, по свидетельству капитана второго ранга Семенова, в бою из боевой рубки обзор весьма ограничен из-за дыма от собственной стрельбы, а еще больше от воздействия огня противника и вызванных им пожаров и разрушений, а на планшете, по докладам из башен и других наблюдательных постов корабля, можно будет все время видеть ход сражения.

Долго спорили о том, что не стоит усложнять простые вещи, и, в конце концов, решили обкатать идею на паровых катерах. Собрали японский флот и нашу эскадру. Дым решили имитировать кошмами, поднимаемыми у щелей боевой рубки. После двухчасового сражения русская эскадра оказалась разбита, а идея с планшетами прижилась, но при обязательном условии устройства надежной внутрикорабельной связи при помощи дополнительных телефонов с применением нескольких дублирующих линий. При этом единодушно было признано, что при достаточной выучке сигнальщиков и гальванеров, ответственных за связь, принимать решения, глядя на картинку на планшете, а не на эпизоды боя, видимые из рубки, гораздо проще и эффективнее, особенно

если располагать информацией сразу с нескольких кораблей. Оставалось только добиться этой самой достаточной выучки. Катерные баталии теперь также стали регулярными.

Кроме практических навыков кораблевождения, была в этих «шлюпочных войнах», как называли эти уроки в командах, еще одна немаловажная положительная сторона. Экипажам, измотанным частыми угольными погрузками и интенсивной боевой подготовкой, требовался нормальный отдых с развлечениями, а лихие атаки катерных флотов были впечатляющим зрелищем, на которое собирались все свободные от вахты. Матросы и офицеры всей душой болели за «своих», а по пути дополнительно учились, читая сигналы, стараясь разгадать хитрые маневры наших и неприятеля. Из развлечений также был устроен праздник Нептуна при пересечении экватора.

Тяжелейшие условия плавания отнимали у людей очень много сил, поэтому, по приказу адмирала, на столе у нижних чинов появился никогда ранее не виданный ни на одном боевом корабле Российского императорского флота шоколад и какао, а также свежие фрукты. А в питьевую воду стали добавлять соль и разбавлять виноградным вином, из расчета одна бутылка вина на ведро воды, что вызвало резкое снижение расхода воды и заболеваемости в экипажах. Этому в немалой степени способствовало и ставшее теперь возможным поддержание должного порядка и чистоты на кораблях, не заваленных углем. Для этого приказано было воды не жалеть, а для экипажей устраивать баню не реже двух раз в неделю. Теперь для забора пресной воды на каждой стоянке использовались все подходящие ёмкости и цистерны, как на боевых кораблях, так и на транспортах.

Орудийная прислуга ежедневно отрабатывала заряжение орудий при максимальном темпе стрельбы, используя болванки, имитирующие снаряды, и заряды в их натуральную величину и с соответствующей массой, изготовленные из бракованных боеприпасов на «Камчатке». Большие сложности возникли при отработке этого норматива в башенных шестидюймовых установках. Во-первых, производительность системы подачи боеприпасов в принципе не могла обеспечить теоретические шесть выстрелов в минуту, даже если не принимать в расчет постоянное заедание норий, подающих снаряды в башни, и прочих механизмов по причине их неосвоенности и заводского брака. Во-вторых, в сложных системах заряжания орудий все время что-то обрывалось, загибалось, и максимальная скорострельность не превышала трети паспортной, и это в тепличных условиях, не в бою и при отсутствии качки!

По мере освоения артиллерийских установок, начали практиковаться и в стволиковых стрельбах сначала по неподвижным щитам, а затем и по буксируемым катерами на встречных и попутных курсах, а также на острых курсовых углах. Нарабатывались навыки по быстроте и точности горизонтальной и вертикальной наводки как палубных орудий, так и башен всех калибров. Адмирал Рожественский учредил на эскадре свой приз за лучшую стрельбу, в виде увольнения на берег при первой же возможности с денежной премией.

На подходах к бухте Грейт-Фиш-Бей состоялась проба американской запатентованной системы Спенсера – Миллера для погрузки угля с корабля на корабль в открытом море. Она представляла собой трос, натягиваемый между грот-мачтой броненосца и фок-мачтой угольщика, по которому на блоках перемещалась тележка с несколькими мешками угля, общим весом до тонны. Это устройство позволяло передавать до 30–50 тонн угля в час даже в довольно плохую погоду, когда использование корабельных плавсредств небезопасно, но требовало хороших навыков экипажа. Первый блин, как водится, вышел комом. Корабли, участвовавшие в погрузке, плохо держали дистанцию и рыскали на курсе, трос то провисал, то, наоборот, натягивался струной. В результате сумели перегрузить за два с половиной часа лишь 8 тонн, после чего трос все же порвали, к счастью, никто не пострадал, а тележка, в этот момент, была на палубе флагманского броненосца.

Отложив погрузку до прихода в бухту, провели первые боевые стрельбы из всех калибров на дальностях от 25 до 60 кабельтовых с более чем скромными результатами. Можно сказать, что снаряды попросту выбросили в воду, так как выяснилось, что все дальномеры показывали разную дистанцию. Стрельбы немедленно прекратили и занялись калибровкой дальномеров. Крейсер «Аврора» отходил от эскадры на заданное расстояние, и по нему выставлялись приборы наводки на всех кораблях. Эту сложную и кропотливую работу закончили только к вечеру. С самого раннего утра на следующий день стрельбы повторили, но результаты были отвратительными. На больших дистанциях не добились ни одного попадания, зато на 15 кабельтовых комендоры шестидюймовок «Осляби» умудрились попасть в щит тремя снарядами из двадцати, при этом достигнув паспортных показателей скорострельности орудий, за что и получили первый приз.

После стрельб начались эволюции, причем здесь успехи были гораздо больше. Сумели обойтись без угрозы таранов, хотя четкости строя и быстроты перестроений добиться пока не удалось. Сказывались результаты катерных

маневров. Сигналы и команды больше никто не путал, но каждый командир опасался своего соседа, потому и медлил с исполнением маневра. К семи часам вечера на флагманском «Суворове» был поднят сигнал: «АДМИРАЛ ИЗЪЯВЛЯЕТ СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ!», весьма удививший всех, ожидавших очередного нагоняя.

Теперь эскадра жила не пребывая в спячке от угольного аврала до следующей погрузки, а в постоянном движении, периодически прерываемом приемкой топлива. Расписание занятий с экипажами и офицерами командиры кораблей еженедельно представляли на подпись Зиновию Петровичу, вносившему в них иногда поправки по результатам стрельб или контрольных тестов, проводимых офицерами его штаба. Несмотря на тяготы, недовольных почти не было. Все понимали, что не к теще на блины идут, и с усердием делали свое дело. Благодаря всему этому, эскадра постепенно, хотя еще и очень медленно, начала выходить из своего первоначального аморфного состояния и превращаться в организованную боевую силу.

Сильно задерживали движение частые поломки механизмов то на одном корабле, то на другом, иногда даже по три-четыре в день. Бедный старший механик Политовский метался по всем судам как водовоз на пожаре, умудряясь исправлять все в кратчайшие сроки, при этом еще и следя за соблюдением графика профилактических работ на главных механизмах, устраивая, по мере надобности, выволочки машинным командам. Чаще других ломались «Камчатка» и «Малайя», за что их все дружно материли и даже заключали пари по утрам, случится ли с ними сегодня какая-нибудь авария. Но по мере наработки опыта неисправности по вине экипажей случались все реже, а большую часть поломок удавалось чинить силами собственных машинных команд.

Помимо стрельб, ставших самым главным видом боевой подготовки, немалое внимание в обучении команд уделялось также и борьбе за живучесть судна, за чем командующий следил с особым вниманием.

После своего странного приступа он словно стал другим человеком, абсолютно перестав интересоваться показушными аспектами службы, зато в том, что касалось боевой подготовки и снабжения, был строг и категоричен. Его совершенно не интересовало, какими способами будут выполнены его приказы, порой находившиеся за гранью возможного. Он просто отдавал распоряжения и контролировал их исполнение. Чего стоил один шоколад для матросов! Витте буквально на пупе извернуться пришлось, но ведь обеспечил же!

Рожественский потребовал от старших механиков, чтобы любой матрос из машинной команды мог с закрытыми глазами подать пар из любого котла в своём отсеке, и дал пять дней сроку. Справились! На «Суворове» проверял лично, спустившись в первую кочегарку и не обращая внимания на угольную пыль и прочую грязь, неизбежную в действующем котельном отделении. Увиденным остался доволен, приказав выдать сдавшим зачет кочегарам по чарке водки к ужину. На всех остальных кораблях такую проверку, за недостатком времени, поручил штабным офицерам.

Приказал, чтобы любой матрос из созданного по его приказу дивизиона живучести облазил все отсеки на корабле и мог показать их на чертеже с предложением вариантов прокладки рукавных линий для тушения пожаров, либо установки подкреплений переборок и горловин люков, для локализации затоплений. При этом трюмные офицеры должны были также предложить варианты перемещения грузов и контрзатоплений для выравнивания крена и дифферента. Через две недели флагманский инженер-механик Образцов доложил о достижении удовлетворительных результатов.

Приказал перебрать в погребах все боеприпасы от 75 миллиметров и выше, подогнать некондицию под стандарт либо выгрузить. Исполнили в течение восьми дней. Контролировали Свенторжецкий с Берсеньевым лично, результаты немедленно доложили. Около пяти процентов боекомплекта оказались с браком. Их передали на транспорты, а в штаб была составлена депеша с требованием еще двух боекомплектов для всей эскадры.

Большими спорами сопровождалось распоряжение о снятии со всех крупных кораблей, включая и крейсера второго ранга, минного вооружения, но, будучи сам артиллерийским офицером, Зиновий Петрович сумел убедить и остальных, что в век скорострельной артиллерии мина и минный аппарат на артиллерийском корабле скорее лишний балласт и источник опасности, нежели грозное оружие. Ярким примером чему мог служить бой у Сантьяго-де-Куба, когда дважды взрывались минные аппараты на испанских броненосных крейсерах, причем для этого вовсе не требовалось прямого попадания в сам аппарат. В итоге Семенову была поставлена задача обеспечить демонтаж всех минных аппаратов, включая подводные, с попутной дефектовкой как самих самоходных мин, так и метательных зарядов к ним.

Приказ был выполнен через шесть дней. Сложные и громоздкие устройства разобрали буквально по винтику, на руках подняли на палубы и передали на транспорты, а освободившиеся помещения приспособили под временные дополнительные артиллерийские погреба. Ревизией были выявлены четыре бракованные мины, но неисправности удалось устранить. При этом на эскадре было целых восемь модификаций самодвижущихся мин системы Уайтхеда! Все с разными характеристиками. Когда об этом доложили командующему, он, грустно усмехнувшись, сказал, что не удивился бы, даже если оказались все шестнадцать модификаций, которые успели наплодить с 1886 года. Почти четверть метательных пороховых зарядов выбраковали по причине различных дефектов либо окончания сроков годности, а к депеше о боекомплекте добавился еще один пункт с заказом мин Уайтхеда, с обязательным требованием, чтобы они были самыми новыми, образца 1897 года.

Подготовленный Политовским график профилактических работ на главных механизмах соблюдался неукоснительно. Даже если для этого требовалось вывести из действия одну из машин или вовсе застопорить ход, командиры кораблей не решались спорить со старшим механиком, неожиданно для всех выбившимся в адмиральские фавориты, даже не имея никакого флотского чина и являясь, по сути, глубоко штатским человеком. Его квалификация ни у кого не вызывала ни малейшего сомнения, но преодолеть кастовый барьер, во многом, помогло именно столь внимательное отношение к нему самого Зиновия Петровича. Еще бы! Ведь лишь с ним одним командующий почти не спорил, легко соглашаясь с его предложениями.

Так, по его требованию были введены обязательные профилактические остановки по 4–5 часов через каждые три ходовых дня. Это, теоретически, задерживало продвижение к театру боевых действий, но позволяло корабельным механикам произвести необходимые ремонтные работы, не возможные на ходу, и перебирать механизмы до того, как они выйдут из строя. Результат не заставил себя ждать. Теперь, по причине внезапных аварий, почти не останавливались и, несмотря на то, что шли по-прежнему на 6–7 узлах, среднесуточный пробег заметно увеличился, с лихвой покрыв потери от простоев, а уж о надежности и говорить не приходилось.

Представленную старшим инженером докладную записку, относительно потребных материалов и запасных частей, он даже, вопреки ожиданиям, расширил чуть ли не в два раза, потребовав взамен достижения всеми кораблями паспортной скорости хода на подходе к Японским островам, пусть

даже с неполными запасами угля и котельной воды. А для разработки плана разгрузки кораблей был установлен крайний срок до 10 декабря.

Работы теперь хватало всем, даже с избытком. Но такой работе все были только рады и выполняли её с душой и огромным удовольствием. Деловые хлопоты не оставляли места для пустых переживаний и тоски. Коренным образом начали меняться и темы офицерских разговоров в кают-компаниях кораблей. Уже не звучал вопрос: «Куда идем? Зачем идем?» Цели были ясны, а поставленные задачи требовалось выполнять, причем в срок.

На подходе к бухте Ангра-Пекена снова занялись освоением американской перегрузочной системы. В этот раз уголь принимали все броненосцы. Транспорты, чьи командиры и рулевые побывали на ковре у адмирала после первой неудачной попытки, уже вполне сносно держали курс и скорость, лишь однажды макнув тележку в воду, но сноровки команды пока еще не хватало. За три часа удалось принять от 9 тонн на «Бородино» до 16 тонн на «Суворове», и все же это было признано удовлетворительным. Впредь такие учения решено было проводить не реже одного раза в неделю.

Затем провели практическую тренировку минеров в работе на радиостанциях, при этом удалось добиться устойчивой радиосвязи с крейсерами Энквиста, удалившимися на 15 миль от эскадры. Затем провели стрельбы с использованием выверенных дальномеров. Удовлетворительным можно было назвать результат лишь у «Осляби», «Авроры» и «Нахимова», да и то лишь на дальностях до 25 кабельтовых. Дальше мазали абсолютно все.

Воспользовавшись разделением эскадры, провели учения по отражению минных атак. Роль миноносцев выполняли щиты, буксируемые крейсерами, заходившими сначала с носовых углов, потом с кормы, а затем с обоих бортов. При этом их скорость временами достигала 18 узлов. По щитам провели стволиковые стрельбы и стрельбы из трехдюймовых палубных и казематных пушек, при этом расчеты бортовых башен новых броненосцев заряжали свои шестидюймовки тренировочными болванками, работая на максимальную скорострельность, а наводчики отслеживали цели через оптические прицелы.

В ходе учений выявился один очень неприятный момент. Оказалось, что на контркурсах, при взаимной скорости сближения более 25 узлов шестидюймовые башни в диапазоне дальностей менее 8 кабельтовых уже в 50 градусах от диаметрали не успевают разворачиваться за целью. Снова ломались механизмы

заряжания орудий, из-за чего порой в самый неподходящий момент в действии оставались одна-две башни на корабле. Зато маневры эскадрой стали заметно четче.

Сильно задерживало выполнение задуманного маневра довольно большое время передачи сигнала на все корабли отряда. Сигнальные флаги могло закрыть дымом, а в бою и сбить осколками, поэтому Рожественский предложил разработать, в дополнение к двухфлажному своду, еще и ракетный свод сигналов из одной, максимум двух ракет с разными цветами дыма. Такой сигнал, поданный с флагманского броненосца, будет хорошо заметен сразу со всех кораблей эскадры и позволит сократить время выполнения приказа и маневренность соединения в целом. Идея всем понравилась, и уже через день была реализована. Сначала новый свод ракетных сигналов обкатали на флагманском броненосце, пуская ракеты с кормового мостика и проверяя правильность чтения сигнальщиками, по ходу дела исправляя возникавшие накладки. Затем его чистовой вариант размножили и передали для изучения на все корабли эскадры, дав два дня сроку, после чего планировалось проверить его для начала на катерах.

4 декабря, после выхода из бухты Ангра-Пекена, погода начала портиться. По распоряжению адмирала, подготовка к бою дополнилась подготовкой к шторму, часть занятий была отменена. Проверялось и перепроверялось рулевое управление, не однажды уже отказывавшее на всех кораблях, грузы, по возможности перемещались ниже ватерлинии и крепились по-штормовому.

7 декабря повернули на северо-восток и вошли в Индийский океан. Погода стремительно ухудшалась. К рассвету крупная зыбь сменилась огромной попутной волной. Ветер порывами доходил до 9 баллов, а высота волн достигала 12 метров при длине в 110. Тяжелые корабли раскачивало и швыряло как щепки, так, что временами винты выскакивали из воды и полосовали воздух, вызывая перебои в работе машин. На следующий день шторм еще больше усилился, достигнув 11 баллов. Новейшие броненосцы прекрасно держались на волне, и их крен не превышал 12 градусов, в то время как на остальных кораблях доходил до 20–40. В то же время выяснилось, что вода проникала внутрь новых кораблей через плохо прочеканенный надводный борт и неплотно задраивающиеся иллюминаторы. Также не держали воду уплотнения палубных люков, причем эта беда наблюдалась на всех кораблях эскадры, вне зависимости от времени постройки и сроков службы.

9 декабря шторм, наконец, начал стихать, и вскоре ветер лишь порывами достигал 5–6 баллов. На следующее утро от шторма осталась лишь крупная зыбь, и раскиданные по морю транспорты начали собираться к эскадре. Проверка штормом показала хорошую мореходность и управляемость кораблей. На таком волнении удавалось держать дистанцию между броненосцами всего в два кабельтовых, причем поломок в машинах и руле не было. Это, несомненно, был хороший результат.

Дав командам отдохнуть до исхода 10 декабря, Зиновий Петрович передал распоряжение старшим механикам всех кораблей устранить выявленные штормом дефекты в кратчайшие сроки и принять все необходимые меры к восстановлению герметичности надводного борта. В обязательном порядке проверить опрессовкой все водонепроницаемые переборки. Об обнаруженных дефектах доложить после их устранения. Ответственным за это был назначен флагманский инженер-механик В. А. Образцов.

14 декабря на «Суворове» произошла серьезная авария – лопнул главный паропровод. При этом лишь благодаря выучке машинистов обошлось без жертв. Когда лопнула труба, они успели скрыться в угольной яме и задраить за собой люк. После того, как повреждение устранили, провентилировали отсек и спустились в него, чтобы вынести тела погибших, кочегары отдраили люк и выбрались наружу – к огромной радости пришедшей за ними похоронной команды, да и всего экипажа. За проявленную находчивость и профессионализм им была объявлена благодарность в адмиральском приказе, зачитанном на всех кораблях эскадры.

Наконец 16 декабря добрались до северного побережья Мадагаскара, где получили свежие газеты, наши и иностранные, из которых узнали, что первая тихоокеанская эскадра перестала существовать, «Громобой» разбился на камнях, Куропаткин отброшен к Мукдену, а падение Порт-Артура теперь лишь вопрос ближайшего времени. Эти новости повергли всех в шок. Теперь многим все казалось напрасным и безнадежным. Если первая эскадра, хорошо подготовленная и прекрасно знавшая театр боевых действий, погибла, так и не сумев существенно ослабить японский флот, то, что может сделать вторая эскадра, имея наспех достроенные корабли с расшатанными механизмами и кое-как обученные экипажи.

К тому же из Морского Генерального штаба пришла телеграмма, извещавшая, что французы отказались пускать наши корабли в Диего-Суарес, под давлением

протестов Японии по поводу нарушения нейтралитета, к которым присоединилась также и Англия. И теперь, вместо хорошо оборудованного порта с нормальной ремонтной базой, где измотанные более чем двухмесячным плаванием моряки могли бы полноценно отдохнуть, попутно подлатав свои корабли, русским эскадрам предстояло встретиться у острова Нуси-Бе на западном побережье Мадагаскара.

Кроме этой имелся также целый ворох телеграмм с уже привычными предупреждениями о возможных атаках японцев как с парусных шхун, с установленными на них торпедными аппаратами, так и крейсерами с минами, прошедшими якобы Малакский пролив в сопровождении отряда миноносцев. Сообщалось также, что отряд Фелькерзама стоит у Нуси-Бе с 15 декабря.

Русские корабли бросили якорь на внешнем рейде Диего-Суареса, чтобы дать командам небольшую передышку. Сигнальные вахты на всех кораблях, на всякий случай, были усилены, выставлены противоторпедные сети, а в море несли дозор, сменяя друг друга, «Аврора» и «Дмитрий Донской».

После двухдневной стоянки с увольнениями на берег приступили к погрузке угля. Приняли полный запас в угольные ямы кораблей, и загрузили трюмы транспортов под завязку, используя портовых грузчиков. После этого двинулись к Нуси-Бе, на соединение с Фелькерзамом. Принятый транспортами уголь (почти 30 000 тонн) адмирал объявил неприкосновенным запасом, очевидно, под влиянием постоянных жалоб тыловиков на трудности со снабжением и предвидя дальнейшие осложнения, по мере приближения к театру боевых действий.

Во время стоянки пришел «Алмаз», доставивший мичмана Церетели и точные сведения о месте стоянки отряда Фелькерзама. Планировалось, после объединения эскадр и переборки главных механизмов, дать несколько дней отдыха экипажам и немедленно двинуться во Владивосток, но эти планы были нарушены.

19 декабря была получена телеграмма из МГШ с предписанием дождаться прибытия отправленного вдогонку нашей эскадре отряда капитана первого ранга Л. Ф. Добротворского в составе крейсеров «Олег», «Изумруд», «Рион», «Днепр» и нескольких миноносцев, застрявших по техническим причинам в бухте Суда на Крите. Кроме того, на Балтике заканчивалось формирование третьей тихоокеанской эскадры Н. И. Небогатова, состоящей из старого броненосца «Император Николай I» и трех броненосцев береговой обороны –

«Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин». Рожественскому запрещалось идти на Дальний Восток, не дождавшись этих подкреплений.

Причем из всех этих кораблей лишь крейсер первого ранга «Олег» и крейсер второго ранга «Изумруд» были действительно ценными боевыми единицами. Два остальных крейсера были переоборудованными скоростными пассажирскими судами со слабым вооружением, а броненосцы были тихоходными и устаревшими, со старой или неудачной артиллерией, уже изрядно расстрелянной за годы их службы в учебном отряде, и неважной мореходностью, то есть, скорее, явились бы обузой для эскадры, нежели ее серьезным усилением.

Не желая терять время, чтобы не дать японцам отремонтировать свой флот после длительной осады Порт-Артура, адмирал отправил в Петербург депешу, в которой объяснял свою позицию и сообщал, что выйдет, как только закончит переборку механизмов. На что в ответ получил очень резкую телеграмму с категорическим приказом ждать.

В ответ на телеграфный запрос о сроках прибытия транспорта со снарядами был получен ответ, что в ближайшее время он выслан быть не может. Не возымели никакого действия и телеграммы о том, что в результате учебных стрельб боезапас на некоторых кораблях сократился больше чем на треть, а часть имевшихся снарядов была с заводским дефектом.

В итоге телеграфная перепалка с Петербургом привела лишь к расширению задач для эскадры Рожественского. Теперь ей предписывалось, ни много ни мало, после получения всех подкреплений «завладеть господством над морем».

Пока адмирал воевал с начальством, его штаб внимательнейшим образом изучал доставленные мичманом Церетели сведения, касательно маневров Английского королевского флота, и все последние достижения в вопросах морской тактики. С особым вниманием прорабатывался вопрос сосредоточенной стрельбы отрядом кораблей по одной цели, применительно к нашей эскадре. Уже к 25 декабря соображения по этому поводу были представлены Зиновию Петровичу, который к вечеру этого же дня одобрил проект в основных положениях, но рекомендовал доработать в области связи и передачи данных для стрельбы на другие корабли отряда.

На переходе вокруг Мадагаскара из Диего-Суареса к Нуси-Бе провели учебные стрельбы из всех калибров и маневры на больших ходах (до 15 узлов). Результаты были вполне приемлемыми, правда, снова на дальностях до 20–25 кабельтовых. На больших дистанциях точность стрельбы по-прежнему резко снижалась, так как выцеливать на глазок уже не получалось, а стрельба по данным, полученным от новых дальномеров, еще не была освоена в должной степени.

Зато детские болезни шестидюймовых башен удалось устранить совместными усилиями корабельных артиллеристов и инженеров с Балтийского завода, шедших с эскадрой. Теперь они выдавали аж до пяти выстрелов на ствол, правда, лишь до израсходования оборудованных в башне кранцев первых выстрелов (первые пять-шесть минут боя), после чего скорострельность снижалась до вполне приличных четырех выстрелов за минуту. Но зато этот темп теперь можно было держать, пока не кончатся снаряды в погребах.

Увеличения скорострельности удалось добиться благодаря изменениям в подаче снарядов. Были полностью убраны откидные лотки. Теперь снаряд из нории попадал на неподвижный лоток, откуда его забирал снарядный номер расчета башни. Это небольшое упрощение конструкции многократно повысило надежность всей установки[3 - Таким образом были доработаны установки однотипного броненосца «Слава» в ходе его службы.].

Башни главного калибра также подверглись небольшим доработкам, и теперь они исправно выдавали минимум два залпа за три минуты, без каких-либо заминок. Максимальным был результат носовой башни «Суворова», давшей три прицельных залпа за две с половиной минуты. Механику зарядки орудий отладили как часы, убрав механические прибойники и заменив их ручными. Это позволило отказаться от процедуры качания стволами при открывании и закрывании затвора.

Дело в том, что на русских тяжелых орудиях был установлен одноступенчатый шестисекторный затвор системы М. Ф. Розенберга, который можно было открывать только вручную, для чего нужно было сделать 27 полных оборотов тяжелым рычагом, на что требовалось не менее 20 секунд (это с хорошей выучкой расчетов). При этом орудие должно было иметь нулевой угол возвышения. После этого его ствол поднимали на семь градусов для заряжания (лишь при таком угле возможно было досылать снаряды и заряды с лотка в зарядную камору механическим прибойником), затем снова опускали орудие на

ноль, для закрывания затвора, снова 20 секунд. И лишь после всех этих манипуляций придавали стволу нужный угол возвышения. Предпринятые меры существенно упростили заряжание орудий, кроме того, теперь зарядные картузы не рвались на лотке. Правда, для этого пришлось выполнить круглые вырезы диаметром 127 миллиметров в тыльной броне боевых отделений башен по направлению осей орудий при угле склонения минус 2 градуса (для удобства досылания вручную).

Кроме этого, в верхнем отделении подачной трубы каждой башни был оборудован перегрузочный пост на 20 снарядов, куда они должны были подаваться перед боем. Этот пост первой подачи обеспечивал зарядники боеприпасами, что позволяло увеличить скорость стрельбы на 20 секунд на каждый выстрел. Хорошей теперь считалась скорострельность главного калибра в один выстрел в минуту. Почти как у японцев.

Силами команд и корабельных мастерских емкость погребов главного калибра довели с исходных 324 305-миллиметровых снарядов до 480! Правда, для размещения дополнительного числа полузарядов пришлось оборудовать в среднем 75-миллиметровом погребе запасную двенадцатидюймовую крюйткамеру на 160 мест[4 - В 1915 году эти работы провели на броненосце «Слава» силами экипажа и судовыми средствами.]. Трехдюймовые патроны перенесли в опустевший отсек подводных минных аппаратов у носовой башни главного калибра. Теперь их там помещалось даже на 20 процентов больше, чем изначально по проекту.

После того, как эти новшества прижились на «Суворовых», подобным образом должны были быть доработаны башни и погреба «Сисоя», «Осляби» и броненосцев береговой обороны, после соединения эскадр.

При маневрировании в ходе стрельб, даже при небольшой перекладке руля на океанской зыби, порты на нижней батарейной палубе захлестывало волнами, так как они находились всего в двух с половиной метрах от поверхности воды. После учений Рожественский вызвал Политовского и потребовал срочного принятия мер, для устранения этого недостатка, на что старший механик невозмутимо ответил, что еще до выхода эскадры с Балтики, сразу после испытаний «Александра III», академик Крылов рассчитал максимальный ход, на котором возможна резкая перекладка руля, и ограничил его 11 узлами при спокойном море. При большей скорости хода, до начала циркуляции, нужно обязательно наглухо задраивать ставни артиллерийских портов в батарейной палубе, и лишь

после этого начинать маневр.

Спокойно выслушав этот доклад, командующий сказал, что об этом всем ему было известно еще до выхода эскадры с Балтики. Что он сам лично предлагал заделать порты в нижней батарее броней наглухо, а пушки перенести на мостики, заменив ими 47- миллиметровую артиллерию с соответствующими подкреплениями, но великий князь Алексей Александрович приказал «оставить батарею там, где она есть». А приказы столь высокого начальства не обсуждают.

Однако теперь на второй эскадре Тихого океана нет начальника выше, чем Рожественский, а он считает, что для пользы дела необходимо убрать орудия из батареи, и потому приказывает перенести все пушки из батарейной палубы на верхнюю, с обеспечением максимальных углов обстрела под его личную ответственность. Открывшего было рот для возражений Политовского остановил жестом руки, сказав с нажимом: «Подумайте, как это лучше сделать! Пусть не все, но не менее восьми стволов на местах 47-милиметровок между шестидюймовыми башнями. Так будет меньше переделок. Я знаю, вы справитесь!»[5 - В ходе службы броненосца «Слава» средняя батарея была все же ликвидирована, а ее орудийные порты заделаны броней.]

27 декабря на горизонте показались вершины вулканических пиков, покрывавших остров Нуси-Бе, а вскоре показался и весь остров. Обойдя его с юга, эскадра вошла в пролив, отделяющий его от Мадагаскара. Ширина этого пролива достигала в южной части 15 миль, несколько уменьшаясь к северу. Северный выход, перегороженный множеством скал и подводных камней, был не пригоден для судоходства крупных судов, но эти скалы обеспечивали надежную защиту от ветров и образовывали закрытый рейд. Большая ширина пролива позволяла разместить все корабли и транспорты вне трехмильной зоны территориальных вод, что не нарушало нейтралитета Франции.

Наша эскадра прошла вдоль строя кораблей отряда Фелькерзама, на которых в парадном строю стояли команды и гремели оркестры. Войдя в глубь пролива, адмирал развернул «Суворова» на обратный курс, приказал построить экипаж на юте и вызвать оркестр. Вслед за флагманом на обратный курс легли все наши корабли и, пройдя снова вдоль рейда, приветствовали своих товарищей троекратным «ура» под звуки корабельных оркестров, а затем встали на якорь рядом. Получилось очень торжественно и красиво.

После объединения эскадр у Нуси-Бе состоялось совещание штаба и командиров кораблей. Старший и флагманский механики получили задание осмотреть механизмы кораблей отряда Фелькерзама, а также обучить их механиков всем новшествам, появившимся на эскадре. Флагманский артиллерист должен был в течение недели наладить на должном уровне артиллерийскую подготовку, а флагманский инженер-механник Образцов, попутно, обеспечить подготовку трюмных механиков и команд борьбы за живучесть.

К концу декабря были получены сведения, что 26 декабря отряд Добротворского вышел с Крита. По всему выходило, что они успеют прийти на рейд Нуси-Бе до выхода эскадры, так как на «Бородино» все еще продолжались работы в машинном отделении. Вообще, машины этого броненосца доставляли больше всего хлопот на переходе. Будучи изготовленными на Франко-русском заводе, в отличие от механизмов Балтийского завода остальных «Суворовых», они отличались худшим качеством и низкой надежностью, но флагманский механик и старший механик корабля В. С. Рябин ручались, что смогут исправить все заводские дефекты в походных условиях, пусть даже если им придется для этого заменить цилиндры главных машин.

В канун Нового года, совершенно неожиданно, немцы отказались снабжать эскадру углем далее Мадагаскара, ссылаясь на то, что японцы пригрозили топить их угольщики, если они двинутся за русскими дальше. Это известие вызвало просто ярость Рожественского. Последние события и переписка с генштабом здорово расшатали его нервы. Скомкав и выбросив злосчастную телеграмму, он удалился к себе в каюту и не выходил оттуда до обеда, а в два часа пополудни 31 января, в канун Нового года, созвал экстренное совещание штаба.

Собрав всех командиров и флагманов, адмирал снова занялся согласованием вопросов связи, нажимая на то, что главное в бою не потерять организованности и не дать себя бить по частям, в то же время всячески стараясь подловить и уничтожить отдельные отряды противника. Лучшим моментом для этого будут первые часы встречи флотов, когда адмирал Того будет нащупывать нашу эскадру, высылая вперед свою разведку. В этой связи нашими задачами являются недопущение обнаружения наших главных сил разведкой японцев и скорейшее окружение и уничтожение их дозоров. Штабу поручалось проработать варианты построения эскадры, наиболее подходящие для выполнения этих задач, а также варианты быстрого пополнения запасов и исправления повреждений у вражеских берегов прямо в море, либо в

подходящей бухте.

Были также согласованы основные направления дальнейшей боевой подготовки, а, кроме того, план проведения ремонтных работ и мероприятий по разгрузке кораблей. Представленный Политовским проект позволял облегчить броненосцы на 400–480 тонн, что вызвало жаркие споры. Поначалу многие не соглашались с необходимостью демонтажа легких орудий, части шлюпок и шлюпбалок, а также минного вооружения и противоминных сетей с крупных кораблей. Но Рожественский провел это решение в приказном порядке и пошел еще дальше, так как предложенный вариант не покрывал строительной перегрузки 600–800 тонн на корабль. Он «предложил» командирам и корабельным механикам подумать над этим вопросом и дал на это две недели, с условием предоставления, по истечении отпущенного времени, готовых к реализации усилиями экипажей и плавмастерской предложений. Далее обсудили еще ряд вопросов по артиллерийской подготовке и по снабжению и в седьмом часу разошлись.

После чего, наскоро перекусив, командующий провел адмиральский смотр вверенной ему эскадры, обращая особое внимание на механизмы кораблей, проверив кочегарки и машинные отделения. Испачкав при этом свой китель и брюки в машинной смазке и угольной пыли, он, тем не менее, самым дотошным образом проверял качество выполненных работ и очень внимательно выслушивал доклады машинистов и механиков, делая пометки в своём блокноте.

Все без исключения, как офицеры, так и матросы, обращали внимание на болезненный вид Зиновия Петровича, буквально посеревшего лицом, и на его покрасневшие от недосыпа глаза. Поэтому ни у кого не вызвало удивления, что через несколько дней после празднования Нового года, с отведенными на это двумя выходными днями, по эскадре пронесся слух, что адмирал болен и не выходит из каюты.

Глава 3

На самом же деле еще 1 января, сразу же по окончании новогоднего фуршета, командующий второй тихоокеанской эскадрой Российского императорского флота вице-адмирал Зиновий Петрович Рожественский инкогнито отбыл на

практически не имеющем боевой ценности, но зато новом и быстроходном, крейсере «Алмаз» в Севастополь, рассчитывая там добыть недостающие боеприпасы, запчасти и материалы. Предварительно крейсер-яхту превратили просто в яхту, полностью сняв с него чисто символическое вооружение, чтобы беспрепятственно пройти Босфор.

Прибыв в главную базу Черноморского флота 9 января, Рожественский, в обстановке строжайшей секретности, встретился в офицерском собрании с морским министром, генерал-адмиралом и вице-адмиралом Ф. К. Авеланом, и вице-адмиралом Н. И. Скрыдловым, прибывшими туда по вызову, отправленному Зиновием Петровичем в секретной депеше из Порт-Саида. На этом совещании присутствовал также адмирал Г. П. Чухнин, главный командир Севастопольского порта.

После состоявшихся более чем пятичасовых переговоров было получено разрешение на получение из арсеналов Севастопольской базы и с боевых кораблей Черноморского флота необходимого количества боеприпасов, даже почти всех имевшихся на Черном море торпед модели 1897 года, что, правда, составило лишь две трети от запрошенного количества. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что еще до отбытия с эскадры Зиновий Петрович, посовещавшись со штабом, увеличил все цифры в заявках в полтора или даже два раза исходя из соображений «проси два, дадут хотя бы один».

Из общего списка потребных боеприпасов, материалов и запчастей в 32 листа в итоге удалось отоварить целых семь. Причем боеприпасы были получены почти в полном объеме, включая новые фугасные 254-миллиметровые снаряды, того же типа, что были в боекомплекте броненосцев типа «Победа» в Порт-Артуре, и старые «тяжелые» снаряды шести-, восьми-, девяти- и двенадцатидюймового калибров[6 - До 1887 года на вооружении состояли так называемые «тяжелые» снаряды, имевшие большую массу при том же калибре. Применение «легких» снарядов теоретически должно было обеспечить более настильную траекторию на считавшихся тогда вероятными дистанциях боя до 25 кабельтовых и соответственно большую точность стрельбы. Фактически выигрыш в точности был небольшим, а бронепробиваемость на расстояниях свыше двух миль быстро падала.]. Мастерские Севастопольского порта получили срочный заказ на изготовление необходимых деталей для механизмов и артилерии. Кроме того, тихоокеанской эскадре передавались, в качестве ремкомплекта, детали главных машин и котлов недостроенного крейсера «Очаков», однотипного с «Олегом», строившегося в Лазаревском адмиралтействе в Севастополе. А также 8

шестидюймовых и 12 трехдюймовых орудий с него и 12 пушек Кане калибром 120 миллиметров и 8 пушек – 75 миллиметров с береговых батарей. Кроме этого, угольники, профили, шинки, листовая сталь в ассортименте, заклёпки и даже 6 пневмомолотов, 4 сверлильные пневмомашины и компрессор со всем необходимым оборудованием. Для нужд второй эскадры Тихого океана из запасов Черноморского флота выделялось 35 000 тонн первоклассного донецкого угля. В получении добровольцев, особенно опытных комендоров из экипажей кораблей было отказано из соображений секретности.

Протащить снаряды и запчасти через Босфор, чтобы об этом не узнали англичане и не арестовали, как военную контрабанду, уже было большой проблемой, так что Зиновий Петрович вынужден был согласиться отправить моряков во Владивосток по железной дороге. Но зато удалось добиться найма (за хорошую плату плюс командировочные) для нужд эскадры 300 грузчиков и быстроходного пассажирского парохода для их доставки и обеспечения нормальных условий жизни. А из мастерских Лазаревского адмиралтейства на Дальний Восток было решено отправить часть оборудования и запчастей для обеспечения ремонта современных скорострельных орудий. Было просто удивительно, что до сих пор во Владивостоке, в единственной оставшейся дальневосточной базе России было невозможно в полной мере производить восстановление современных орудий после боевых повреждений.

Также были согласованы вопросы, касавшиеся присоединения владивостокских крейсеров ко второй эскадре. Были определены четыре условные точки рандеву и кодовые телеграммы, определявшие время и маршруты следования. Для усиления ремонтных возможностей Владивостока туда должны были отправить 500 высококвалифицированных мастеровых с оборудованием и расходными материалами из европейской части России.

Кроме того, по требованию Рожественского, туда же незамедлительно следовало отправить весь воздухоплавательный парк с вспомогательного крейсера «Русь» во главе с лейтенантом Большовым, лично комплектовавшим его и являвшимся лучшим специалистом в деле морского воздухоплавания не только в России, но, пожалуй, даже и в мире[7 - Со второй тихоокеанской эскадрой должен был идти крейсер-аэростатоносец «Русь», перестроенный из германского парохода «Лахн». На эти работы граф С. А. Строганов пожертвовал полтора миллиона рублей золотом. На «Русь» установили все самое современное оборудование. Он должен был нести вооружение из четырех змейковых аэростатов системы Персиваль, одного сферического шара для свободных

полетов, четыре сигнальных аэростата для радиоантенн и комплект воздушных змеев для подъема наблюдателя. Водород вырабатывали три установки электролиза. Но главным был ангар, где хранились уже готовые к запуску аэростаты. Ремонтировали и перестраивали крейсер в Дании под руководством Инсена. Но когда, уже в Либаве, устанавливали вооружение, выяснилось, что котлы и машины даже не чистили, хотя по бумагам значилось, что они отремонтированы. В результате крейсер не смог отправиться с Рожественским. Его спешно отремонтировали и подготовили к выходу с Небогатовым, но почти сразу потекли холодильники, а в фундаментах главных машин появились трещины. Крейсер так и остался на Балтике, а после войны пошел на слом.], а также новейшие трехдюймовые шрапнельные снаряды, только что принятые на вооружение[8 - В январе 1905 года на вооружение русского флота был принят 75-миллиметровый шрапнельный снаряд, начиненный 184 стальными пулями диаметром 12,7 мм. Дистанционный взрыватель (трубка) обеспечивал задержку до 22 с, что давало максимальную дальность в пределах 6,4 км.].

Авелан, должно быть, помня о пророческом письме Макарова, полученном накануне внезапного нападения японских миноносцев на порт-артурскую эскадру[9 - Имеется в виду письмо Макарова, написанное им накануне атаки Порт-Артура японцами, в котором он указывал на уязвимость эскадры на внешнем рейде и неготовность к войне.], быстро соглашался с доводами Рожественского, отчаянно торгуясь, однако, по каждому пункту.

Для срочной доставки к эскадре всех необходимых грузов было решено использовать быстроходные транспорты «Березань» и «Днестр», служившие учебными кораблями. Параллельно с погрузочными работами с них было снято все вооружение для беспрепятственного преодоления турецких проливов. К 20 января их погрузка была закончена, и они немедленно двинулись в Нуси-Бе. «Алмаз» на последнем переходе большую часть пути шел на больших ходах и совершенно расшатал свои машины и посадил котлы, поэтому его пришлось оставить, и к своей эскадре Рожественский возвращался как купец, а не как адмирал. За ним следом шли еще шесть угольщиков, имевших предписание ждать в Шанхае и подчиняться лишь распоряжениям самого командующего второй тихоокеанской эскадрой[10 - Фактически, в настоящей истории, с Черного моря ничего не доставляли, а пополнения боезапаса и необходимые для ремонта механизмов материалы так и не были получены. Уголь доставляли только пароходы Гамбургско-Американской компании.].

Несмотря на соблюдение всех предосторожностей, англичане, хоть и с опозданием, узнали об отправке боеприпасов из Севастополя. Форсировавшие проливы на двое суток позже угольные транспорты были остановлены их крейсерами и отпущены только после тщательнейшего досмотра, продолжавшегося больше трех суток. За это время Рожественский уже прошел Суэцкий канал и вышел в Красное море. 4 февраля оба ведомых им транспорта благополучно соединились с эскадрой, а произошло это при следующих обстоятельствах.

Корабли приближались к стоянке русского флота на рассвете, держа полный ход. Не дойдя до рейда около пяти миль, транспорты были встречены двумя дозорными катерами, передавшими фонарем требование изменить курс или остановиться для досмотра. То ли их сигнал не был замечен, то ли его попросту проигнорировали, – шутка ли, адмирал на борту, – в общем, эту мелочь даже не удостоили ответом.

Но катерники были настроены весьма решительно. Прежде чем оба транспорта проскочили мимо, с катеров грохнули предупредительные выстрелы боевыми снарядами под нос, для убедительности усиленные короткой пулеметной очередью в воздух. Одновременно был передан сигнал: «Остановитесь, или будете потоплены!» Перепуганные пароходы тут же застопорили машины, а катера приблизились к ним. Причем первый катер сразу же подошел к головному транспорту и высадил на него офицера и двух матросов с карабинами, тут же отвалив от борта и наведя свою пушчонку и пулемет на мостик, в то время как второй занял позицию в полукабельтове и держал транспорт на прицеле минного аппарата, 47-миллиметровой пушки и пулемета. При этом матросы имели самый невозмутимый и решительный вид, абсолютно не обращая внимания на отборные матюги, сыпавшиеся с палуб кораблей, и поднятый на головном транспорте, после суетливых поисков, сигнал «имею на борту адмирала».

Лишь после того, как поднявшийся на палубу головного транспорта офицер передал условный сигнал и приказ «подойти к борту ближе», катера осторожно приблизились и остановились метрах в тридцати, подрабатывая машинами и по-прежнему не сводя с надстройки стволы пушек и пулеметов.

В этот момент на крыле ходового мостика показался сначала катерный офицер, а сразу же за ним вышел сам ВИЦЕ-АДМИРАЛ РОЖЕСТВЕНСКИЙ. Его высокую худощавую фигуру все узнали сразу. На лице не было и следа от той

болезненности, что запомнилась всем после последнего адмиральского смотра.

Матросы, при столь неожиданном появлении своего командующего, отскочили от пушек как черт от ладана и вытянулись во фрунт. Зиновий Петрович оглядел оба катера, бросил взгляд в сторону нашей якорной стоянки, откуда уже спешили два дежурных миноносца с «Жемчугом» во главе, после чего взял под козырек и сказал через мегафон, чтобы всем слышно было: «Благодарю за службу!»

С катеров грянул нестройный ответ еще не пришедших в себя матросов. После чего, забрав досмотровую партию, катера вернулись к патрулированию, а транспорты, передав по беспроволочному телеграфу и фонарем личный позывной Рожественского, двинулись к рейду.

Пожилой комендор с «Осляби», приписанный к одному из катеров, сказал, блеснув знанием светской жизни:

– Должно, в санаторию ездил! – И кивнул в сторону удаляющихся транспортов. – Вишь как помолодел-то! – И вытер рукавом форменки крупные капли пота со лба.

На эскадре командующего ждал приятный сюрприз. За время его черноморского вояжа все недоразумения с Гамбургско-Американской компанией были разрешены усилиями чиновников из Петербурга, и теперь её угольщикам предписывалось сопровождать эскадру, подчиняясь всем требованиям Зиновия Петровича Рожественского. Кроме того, отряд Добротворского уже присоединился к эскадре и включился в полной мере в боевую подготовку. По старому знакомству[11 - Добротворский служил старшим помощником на крейсере «Владимир Мономах», когда им командовал Рожественский.], Рожественский пригласил капитана первого ранга Добротворского к себе на ужин, где тот предоставил ему собственные планы построения эскадры в бою.

На следующий день, после прибытия, командующий заслушивал доклад штаба и флагманов о проделанной в его отсутствие работе. Все было в порядке. Никаких происшествий не случилось. Учеба экипажей и офицеров шла по утвержденному расписанию. Ремонт машины на «Бородино» закончили две недели назад и провели ходовые испытания. При этом броненосец разогнался до 17 узлов, имея на борту полный запас угля и воды. И это, по утверждению стармеха

броненосца, был не предел. Просто побоялись посадить машины раньше времени. Судя по запасу пара, можно было выжать еще с полузла, а то и больше. За месяц с небольшим корабли шесть раз выходили в море на маневры с обязательными стрельбами[12 - За время стоянки у Мадагаскара учений почти не было. Перебрали механизмы, очистили подводные части, но отдыха для экипажей не получилось из-за тяжелых условий жизни на заваленных углем кораблях и изнуряющей жары.]. Дважды практиковались в централизованной стрельбе отрядами на дальность до 50 кабельтовых, но хорошими результаты этих стрельб назвать пока было нельзя. Несмотря на полигонные условия, очень быстро терялась пристрелка при движении кораблей, кроме того, требовалось вести отряд плотно сомкнутым строем, что пока еще не удавалось.

Трижды были проведены и ночные стрельбы. Причем первые закончились очень быстро, так как выяснилось, что вспышки выстрелов крупнее 75 миллиметров слепят всех, кто находится на палубе, и о прицельной стрельбе уже не может быть и речи. Тогда кто-то из молодых лейтенантов полушутя предложил закрывать глаза при выстреле, что и было опробовано на следующую ночь. Стреляли только залпами по сигналу корабельной сирены, плотно зажмуриваясь. В результате удавалось даже различать всплески падений своих снарядов при рассеянном свете звезд и малой луне. Хотя, конечно, своя специфика у ночного прицеливания была.

Оптические прицелы системы Перепелкина удавалось использовать лишь при хорошей освещенности целей прожекторами и только после грубой наводки по мушке. При поиске прожектором атакующих миноносцев во время одной из учебных атак очень кстати, хотя и совершенно случайно, силуэты эсминцев обозначились на фоне сигнальных ракет катеров, проводивших свои учения неподалеку. Это взяли на заметку и разработали «методику подсветки с тыла».

Выслушав артиллеристов, Рожественский положил на стол свою папку и достал из нее пачку листов, напечатанных на машинке, на многих были какие-то схемы. Невольно установилась абсолютная тишина. Все ждали пояснений, что за сюрприз приготовил командующий на этот раз. Но адмирал был предельно краток, сказав:

– Вот здесь изложены новейшие принципы пристрелки на большой дальности «уступом», «струей», «по знакам падения снарядов» и много еще полезного и нового. Это все разрабатывалось нашими офицерами, начиная с 1901 года. В третьем году работа была закончена, но до флота так и не дошла до сих пор, по

непонятным для меня причинам. Думаю, что нам будет весьма полезно с этим ознакомиться и освоить, если успеем.

После чего он передал папку Берсеньеву и продолжил заслушивание докладов.

При отработке торпедных атак с использованием мин с учебной боевой частью выяснилось, что мощности метательного заряда недостаточно для гарантированного безопасного выхода торпеды из аппарата. Были случаи неполного её выхода из торпедной трубы, либо при выстреле с недостаточной скоростью – касания борта стрелявшего корабля и повреждения винторулевой группы. Для устранения этого недостатка флагманским минером П. П. Македонским было принято решение, в опытном порядке, увеличить массу порохового заряда сначала на пять, а потом на десять процентов. По окончании пробных стрельб – и после тщательнейшего осмотра – деформаций труб минных аппаратов, повреждения хвостовой части мин и каких-либо других повреждений на подопытном «Громком» обнаружено не было. Исходя из результатов опытных стрельб, решили усилить все пороховые заряды. Теперь все метательные торпедные заряды на эскадре были «усиленного типа» и с этой проблемой больше не сталкивались.

В ходе учений было потеряно почти четверть имевшихся на эскадре мин Уайтхеда. Несмотря на слежение за ними с паровых катеров, шлюпок и даже поиск водолазами, когда позволяли глубины. Некоторые не всплывали вовсе, после выработки топлива, другие всплывали, но успевали затонуть из-за каких-либо дефектов, до того как их выловят, а некоторые зарывались в ил сразу после выстрела при стрельбе на мелководье. Результатом этих потерь стало увеличение вероятности поражения неподвижной цели при стрельбе на ходу до 25 узлов с 2–3 кабельтовых, с исходных трех процентов до вполне приличных двадцати пяти. Ожидаемого нагоняя за утрату казенного имущества не последовало.

Кроме того, были предложены варианты предварительных расчетов упреждения при стрельбе по движущейся цели по схеме торпедного треугольника, исходя из длины корпуса атакуемого корабля, и несколько новых способов торпедной стрельбы[13 - При стрельбе торпедами в то время применялась стрельба одной торпедой. Залповых стрельб не было. Прицеливание производилось в середину корпуса корабля неприятеля. Поправки на скорость почти не учитывались, поэтому вероятность попадания была небольшой.]. Больше всего заинтересовали залповая поотрядная стрельба и стрельба «веером». Хотя

поначалу не у всех укладывалось в голове, как можно за раз выстрелить сразу десяток мин, каждая из которых стоит не одну тысячу рублей. Но прикинув, что таким образом можно в разы увеличить вероятность попадания, а следовательно, и потопления вражеского корабля, вплоть до броненосца, который стоит уже миллионы, да к тому же вырисовывается экономия в виде не гибнущих под кинжальным огнем в упор наших миноносцев, финансовую часть этого вопроса закрыли раз и навсегда. Тут же принялись чертить на бумаге возможные схемы и бурно обсуждать, но Рожественский вынужден был прервать диспут, поручив минерам проработать всесторонне этот вопрос к завтрашнему дню, а командирам кораблей предоставить варианты маневров уклонения от самодвижущихся мин и минных атак, исходя из фактической маневренности своих кораблей[14 - Подобный принцип торпедной стрельбы прорабатывался в русском флоте с начала XX века, а практически был применен в годы Первой мировой войны.].

Далее флагманы подробно доложили о работах по усовершенствованию внутрикорабельной и внутриэскадренной связи, о прокладке бронированных телефонных линий к башням и казематам и другим новым боевым постам и об «обкатке» этих линий на последних маневрах эскадры. Были предложены меры по устранению возникавшей, из-за чрезмерного обилия докладов, путаницы, которые планировалось проверить в деле при следующем выходе в море.

С особым вниманием командующий выслушал доклад о состоянии главных механизмов. Переборка машин на всех кораблях была уже закончена. Машины на пробах работали хорошо. Провели также щелочение котлов, осмотр и очистку подводных частей водолазами.

Разгрузочные работы уже почти закончили, сняв со всех кораблей, не считая вспомогательные крейсера, артиллерию менее 75 миллиметров, противоминные сети и все оборудование для их постановки, существенно упростили и облегчили рангоут. На «Наварине» и «Нахимове» провели большую работу по удалению дерева из внутренней отделки помещений и палуб. А в батареях установили траверзы из котельного железа, изолировавшие орудия друг от друга. Заменить старые 152-миллиметровые пушки с картузным заряжением на скорострельные в походных условиях не представлялось возможным, поэтому от этой идеи пришлось отказаться[15 - На броненосце «Наварин» стояли устаревшие нескорострельные орудия, а башни главного калибра не были полностью уравновешены, в результате чего при их развороте образовывался небольшой крен на стреляющий борт.].

Шикарные боевые марсы «Наварина» и «Осляби» были урезаны до небольших, но зато блиндированных, наблюдательных рубок, поднятых намного выше. В них могли разместиться два артиллерийских офицера и корректировать огонь, одновременно отслеживая окружающую обстановку и докладывая обо всем по телефону в боевую рубку. Защита из котельного железа толщиной в полдюйма от прямого попадания, конечно, не спасет, но от осколков прикроет надежно. Изнутри наблюдательные рубки обшили войлоком, для лучшей акустики, так как на первых учениях с их использованием – из-за стального гула от вибрации корабля на ходу и собственной стрельбы – доклады артиллерийских наблюдателей невозможно было разобрать.

Также, исходя из опыта учебных стрельб, каждую артиллерийскую рубку оборудовали самодельным курсовым указателем и подняли туда по одному дальномеру из боевой рубки. Это позволило управлять огнем напрямую из неё и существенно повысило эффективность всей схемы управления огнем, особенно на большие дальности и при штормовой погоде со свежим ветром, когда брызги от разбивавшихся о борта волн долетали до мостиков и заливали оптику дальномеров и прицелы орудий. Подобные рубки, вместо уже разобранных марсов, изготавливались на «Камчатке» и для всех других кораблей.

Вокруг дымовых труб установили экраны высотой два метра над палубой, изготовленные из полудюймового котельного железа. У амбразур башен и щелей боевых рубок появилась дополнительная противоосколочная защита, также снабженная асбестово-войлочными негорючими вставками, для улавливания мелких осколков и недопущения их рикошета внутрь защищаемых помещений. Зиновий Петрович горячо одобрил доработку, пожелав непременно узнать имя автора идеи и пообещав наградить его, насколько это в его власти.

Далее капитан второго ранга Семенов доложил о катерных учениях, отработке атак флота минными катерами в темное время суток, об охране рейда минными и артиллерийскими катерами, введенной сразу после отбытия Рожественского. В эффективности этих дозоров убедиться адмиралу довелось лично.

Впрочем, такая встреча, судя по всему, его обрадовала. Он поблагодарил Семенова за хорошую организацию дозорной службы. Но отметил, что на такой жаре парусиновые тенты, натянутые над палубами катеров, заметно облегчили бы матросам несение службы. Потом потребовал представить ему списки экипажей катеров, что перехватили его на подходах к стоянке эскадры, и наградить каждого матроса денежной премией в размере 10 рублей золотом из

его собственных средств с объявлением благодарности в приказе по эскадре «за правильные и решительные действия при несении дозорной службы!». А офицерам занести благодарность с той же формулировкой в личные дела.

Потом адмирал заслушал доклад о проведенных учениях по тралению и даже высадке десанта на необорудованный берег в дневное и ночное время. О перевооружении больших минных катеров 47-миллиметровками и пулеметами вместо прежних устаревших 37-миллиметровых пушек. Проводились также тренировки экипажей катеров с задачей ходить в темноте у незнакомого берега, удерживать назначенную позицию или район патрулирования ночью по компасу и счислению при невидимых береговых и прочих ориентирах. В ходе учений два катера получили повреждения и находились сейчас в ремонте, а один разбился на камнях и восстановлению не подлежал.

Командующий обозом, капитан первого ранга О. Л. Радлов доложил о разработанном им и одобренном штабом плане развертывания временного пункта базирования эскадры в любой подходящей гавани. Планом предусматривалось быстрая обвеховка места стоянки, развертывание катерных дозоров и даже, при необходимости, береговых батарей из десантных пушек и пулеметов, списанных с кораблей на транспорты. При этом были составлены несколько вариантов графика бункеровки кораблей, в зависимости от обстановки, позволявшие сократить время приемки грузов чуть ли не в два раза. Для чего на приданных эскадре транспортах с неприкосновенным запасом угля были сделаны соответствующие доработки в грузовом рангоуте. Тренировки по развертыванию базы проводились регулярно.

Следующим вопросом было обеспечение возможности увеличения боезапаса за счет освободившихся отсеков подводных минных аппаратов и минных погребов, а также погребов 37- и 47-миллиметровых патронов с соответствующим их переоборудованием силами экипажей кораблей. Было признано необходимым изыскать возможности для увеличения боекомплекта главного калибра броненосцев отряда Фелькерзама как минимум на 10–15 процентов, а также для доработки их башен по образцу «Суворовых».

После был составлен примерный план дальнейших учений, включавший в себя отработку новых способов торпедных атак, атак в ночное и дневное время отдельных кораблей и отрядов на ходу одиночными миноносцами и отрядами миноносцев, отражение этих атак с взаимным огневым прикрытием без использования прожекторов. На этом совещание, затянувшееся на семь с

лишним часов, было закончено, и все его участники отправились на краткий торжественный обед по случаю возвращения Рожественского и получения долгожданного снабжения. Командам была выдана к ужину двойная винная порция, а следующий день объявлен выходным. Для разгрузки прибывших пароходов были наняты местные грузчики.

8 февраля флот снова вышел в море. Помимо ставшего уже привычным маневрирования всей эскадрой и поотрядно – в сомкнутом и развернутом строю – впервые опробовали на практике массированную минную атаку с залповой перекрестной минной стрельбой с большой дистанции на эскадру и по одиночной, быстроходной, свободно маневрирующей цели. Из-за возникших накладок и вызванных ими задержек в выполнении команд согласованной атаки не получилось. Атакованные корабли уклонились от всех – выпущенных за две учебные атаки – 34 мин Уайтхеда, зато пять штук из них снова было потеряно.

С наступлением темноты занялись отработкой ночных атак, без стрельбы минами, и тренировкой в перестроении эскадры в ночное время. В ходе этих учений столкнулись по касательной «Бородино» и «Орел», смяв полки противоторпедных сетей, еще не до конца демонтированных. К счастью, обошлось без более серьезных повреждений. Уже перед самым рассветом провели ночные стволиковые стрельбы. Вернувшись на рейд к обеду, снова встали на якорь и с флагмана передали: «Командам обедать» и «Благодарю за службу!».

Следующую неделю – снова тренировки, пожарные, водяные тревоги, заводка пластырей. Офицеры разбирали свои ошибки, тренировались на планшете и изучали методички. «Олег» и «Жемчуг» натаскивали миноносников, изображая из себя мишени и носясь в 5–7 милях от берега на виду у всей эскадры на полном ходу. За семь дней потеряли еще пять торпед, но зато попадания в крейсера теперь стали, скорее, закономерностью, нежели случайностью. При стрельбе залпом одновременно с четырех эсминцев со встречных курсов с обоих бортов, даже с 5–7 кабельтовых, вероятность поражения цели превышала 50 процентов. Это был, несомненно, хороший результат.

В штабе штудировали английские лоции, в поисках подходящих для базирования бухт на Корейском побережье и островах, окружавших Японию. Прорабатывали варианты построения эскадры, боевого развертывания, связи между нашими отрядами при уничтожении дозорных отрядов противника. Безусловно, сходились во мнении, что для гарантированного быстрого

потопления даже одиночного патрульного крейсера нужно его не догонять, а загонять на главные силы и уже тогда уничтожать массированным артогнем, используя для прерывания его радиосвязи свои передатчики на максимальной искре.

Минеры постоянно практиковались в работе на беспроволочном телеграфе. По распоряжению адмирала, бывало даже, объявляли дни радио, когда все сообщение между кораблями осуществлялось весь день только по рации. В результате к этому достижению технического прогресса привыкли все, так же как к паровым машинам, а минеры даже стали узнавать друг друга по почерку.

После десятидневной стоянки с непрекращающейся учебой три ночи подряд выходили на ночное маневрирование с обязательными стрельбами и минными атаками катерами либо миноносцами. При выполнении ночной минной атаки столкнулись «Бравый» и «Грозный». К счастью, повреждения ограничились лишь длинными вмятинами в бортах да содранной краской, так как удар был по касательной. Впоследствии это все удалось исправить. Затем учения по сосредоточению огня отряда на одной цели, снова маневрирование, снова минные атаки вперемешку с тренировками в погрузке угля в море на ходу.

Глава 4

Наконец 1 марта пришли остальные транспорты из Севастополя и пароход с грузчиками. По такому случаю адмирал дал экипажам два выходных с увольнениями на берег, с полным денежным содержанием за прошедшие месяцы плавания. Вопреки ожиданиям самых недоверчивых офицеров штаба, да и из офицерского корпуса эскадры тоже, никаких дебошей на берегу отмечено не было. Конечно, были перебравшие дозволенную винную порцию, но таковых очень быстро и незаметно доставляли на корабли, и даже их имена установить не было никакой возможности. Французские колониальные власти отмечали лишь исключительную вежливость и тактичность со стороны русских офицеров и матросов. «Ежели вдруг какой моряк затруднялся в изъяснении своих пожеланий, не владея французским даже на минимальном уровне, беспременно находился русский офицер, всегда с готовностью помогавший ему».

После неожиданных выходных, уже третьего числа вся эскадра покинула Нуси-Бе и двинулась на восток через Индийский океан. Отряд Небогатова решили не ждать, а встретиться с ним в пути, где-нибудь на подступах к Малаккскому проливу, либо у побережья Индокитая. Быстроходные «Днестр» и «Березань» были загружены резервными боекомплектами и запчастями, считавшимися необходимыми в первую очередь, и, будучи поставленными в самую середину ордера русской эскадры, невольно вынуждены были в самые сжатые сроки освоить все приемы эскадренного маневрирования, получая регулярные нагоняи от флагманов и от самого командующего.

В то же время транспорт «Малайя», имевший серьезную неисправность в машине и загруженный бракованными боеприпасами, вышедшими из строя или исчерпавшими свой ресурс деталями механизмов, почтой, а также паникерами, смутьянами и больными, был отправлен на родину, от греха подальше. На этом же транспорте отправили арестованного за кражу казенных денег и мошенничество при снабжении экипажа провизией бывшего ревизора с броненосца «Орел» лейтенанта Бурнашева.

Незадолго до выхода с рейда Нуси-Бе Рожественский специальным приказом утвердил подразделение эскадры на два броненосных отряда и два крейсерских. Каждый отряд имел свою задачу в бою.

Первый броненосный отряд состоял из всех новейших броненосцев, вооруженных современной артиллерией и имевших примерно одинаковую скорость полного хода. Броненосцы типа «Бородино» («Суворов» – флагман, «Александр III», «Орел», «Бородино» и пристегнутый к ним, из тактических соображений, «Ослябя») составили первый броненосный отряд, волею судьбы назначенный быть «летучим крылом эскадры», как выразился командующий. Благодаря своей высокой скорости хода, первый броненосный отряд мог быстрее всех других занять удобную позицию и связать противника боем. Командовать этим отрядом был назначен командир «Суворова» капитан первого ранга Игнациус.

Второй броненосный отряд был составлен из устаревших броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин» с броненосными крейсерами «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской». Все эти корабли имели совершенно разношерстную артиллерию и скорость хода на 3–4 узла меньше, чем первый отряд, но вполне серьезную броневую защиту, благодаря чему обладали солидной боевой устойчивостью. Командовал вторым отрядом Фелькерзам, державший свой флаг

на «Сисое». Их основной задачей в бою считалось сковывание главных сил противника, для обеспечения охвата первым отрядом головы, хвоста или любого из флангов строя противника, смотря по обстановке. Исходя из теоретических выкладок, это позволяло поставить противника под продольно-перекрестный огонь и нанести, хотя бы части его кораблей, тяжелые повреждения за короткий отрезок времени.

Для разведки и охраны главных сил были сформированы два крейсерских отряда. Первый отряд состоял из «Авроры», «Жемчуга» и «Светланы» с приданными им четырьмя миноносцами. Командовать первым крейсерским отрядом был назначен капитан первого ранга О. А. Энквист. Флагманским крейсером назначалась «Светлана».

Второй крейсерский отряд состоял из «Олега» и «Изумруда», с приданными им пятью остальными эсминцами. Командовал этими кораблями капитан первого ранга О. Ф. Добротворский, командир «Олега».

В задачу крейсерских отрядов входило, помимо разведки и охраны броненосцев, обнаружение вражеских дозоров и их загон на свои тяжелые корабли. Если же это было не возможно, то крейсера и миноносцы должны были, не обнаруживая себя, сообщать о передвижениях противника, чтобы обеспечить главным силам возможность уклониться от нежелательного контакта. Все пароходы-крейсера сводились во вспомогательную группу, подчинявшуюся непосредственно Рожественскому.

Выйдя из пролива, корабли построились в кильватерную колонну, с «Суворовым» во главе. Обогнув Мадагаскар, выслали на 10 миль вперед в разведку крейсера из первого отряда, оставив между ними и эскадрой два вспомогательных крейсера в качестве репетичных кораблей. Все эсминцы загасили котлы и подали буксирные концы на транспорты, так как вероятность встречи с японским флотом пока исключалась.

Шли на шести-семи узлах, сберегая машины. Океан был спокоен. На кораблях продолжалась боевая подготовка, не заметная со стороны. Как только покинули изобилующие рифами воды северной оконечности Мадагаскара и миновали острова Агалега, провели большие маневры.

Первый и второй броненосные отряды разошлись на 6 миль друг от друга, а миноносцы первого и второго крейсерских отрядов развели пары и атаковали их, заходя в атаку поотрядно с носовых курсовых углов с обоих бортов одновременно, стреляя учебными минами с 3–4 кабельтовых. Каждый миноносец буксировал за собой на длинном тросе щит, выкрашенный в защитный серый цвет, в который были покрашены японские миноносцы. В ходе учений броненосцы первого отряда держали ход 14 узлов, а второго – 12. Эсминцы разгонялись до 22–24 узлов, максимум, на который они теперь были способны, так что условия были максимально приближены к реальным боевым.

Все атаки отражались противоминными 75-миллиметровыми пушками. После каждого захода считали пробоины в щитах. К вечеру стало ясно, что трехдюймового калибра явно недостаточно для надежного отражения атаки, даже днем.

Уже в сумерках решили применить шестидюймовую артиллерию. И тут выяснилось, что сегментные боеприпасы, считавшиеся основным средством от миноносцев, рвались с большими недолетами, едва не задев «Буйного». Командующий потребовал откорректировать таблицы для стрельбы этими снарядами, с учетом открывшихся фактов, и впредь по щитам, а при случае и по японским миноносцам, бить фугасами.

В повторной атаке щиты, выходившие в атаку на «Суворова», оказались разбиты вдребезги его башенными установками еще в 12 кабельтовых от броненосца, несмотря на резкие маневры буксировавших их миноносцев, а атаковавшие «Наварин» – с 3–6, так как ему пришлось доворачивать бортом к противнику, чтобы ввести в действие казематную артиллерию, к тому же недостаточно скорострельную.

Мощь носового огня старых броненосцев, по итогам учений, была признана явно не достаточной. Даже в составе отряда, днем, они не могли гарантированно отразить собственной артиллерией атаку всего трех-четырех миноносцев.

Минные стрельбы закончились потерей шести старых мин, но зато из 18 выпущенных в цель попало целых шесть, причем «Громкий» попал обеими выпущенными им торпедами в «Суворова», за что и получил адмиральский приз.

По окончании учений состоялось совещание штаба эскадры. После его завершения Рожественский распорядился снять с «Осляби» 8 трехдюймовок с батарейной палубы и принять дополнительные меры по разгрузке этого броненосца, а старший инженер-механик получил задание «обеспечить установку стодвадцаток и трехдюймовок на «Сисоя» и «Наварина», причем без добавления лишнего веса. А на «Аврору» приказал установить четыре 152-миллиметровых орудия, привезенные из Севастополя, за счет снятия части 75-миллиметровой артиллерии, которую надлежало разместить на «Нахимове», «Донском», «Жемчуге» и «Изумруде». По 6–12 стволов на каждом. Важным условием указывалось обеспечение больших углов обстрела, особенно на носовых курсовых углах.

В ответ на возражение, что пушек всем не хватит, адмирал приказал снять нужные трехдюймовки со вспомогательных крейсеров, заменив их 47- и 37-миллиметровой артиллерией, добавив: «Им купцов гонять сгодится, а нам для дела нужно».

Услышав волю адмирала, Политовский просто ахнул от неожиданности. На броненосцах планируемое усиление артиллерии должно было размещаться на крышах казематов, причем небронированных крышах, и потому требовало значительных усилений палубных конструкций и устройства междупалубных фундаментов, без стеснения батареи. А на «Авроре» четыре дополнительные пушки главного калибра планировалось установить на местах трехдюймовок на верхней палубе, не рассчитанной на такой калибр, что также подразумевало большой объем работ.

Для компенсации веса с крейсера должны были исчезнуть двенадцать 75-миллиметровых орудий. С «Наварина» и «Сисоя» для облегчения и получения выгодных секторов обстрела нужно было срезать большую часть фальшборта и ростр. И это все в походных условиях, не нарушая графиков угольных погрузок, учений и маневров, да еще и в кратчайшие сроки!

Поняв, что его возражения никто не намерен даже выслушивать, Политовский отправился на «Аврору», где провел за замерами и составлением эскизных чертежей усиливающих конструкций остатки вечера, после чего сразу же отбыл на «Камчатку», откуда вернулся уже во втором часу ночи, тут же занявшись расчетами по довооружаемым броненосцам. Усилить вооружение, не увеличивая перегрузки, никак не удавалось.

Следующий день начался со стрельб из всех калибров, а закончился тренировкой по погрузке угля на ходу. На этот раз, складируя уголь, который не успевали спускать в угольные ямы, прямо на палубе и используя немецкие мешки, вмещавшие почти двадцать пудов и позволявшие одновременную их загрузку тремя матросами, удалось добиться результата в 13–18 тонн на корабль в час, что в любом случае перекрывало темпы погрузки угля при помощи баркасов. Последний раз, в Атлантике, этим способом удалось погрузить 80–85 тонн на каждый броненосец за восемь часов непрерывной работы всей команды, включая офицеров.

Так шли день за днем. Нередкими были и ночные стрельбы и учения, даже на шедших на буксире миноносцах. Все разработки штаба неизменно обсуждались на совещаниях с обязательным участием командиров кораблей и начальника отряда обеспечения, как теперь стали называть шедшие с эскадрой транспорты.

Вообще, отношение к обозу в корне изменилось. Все понимали, что успех всего похода во многом зависит и от четких и слаженных действий команд грузовых судов, тащивших все необходимое для эскадры и позволивших избавить корабли от перегрузки, порой превышавшей даже 1800 тонн, не считая угля. При любой возможности экипажи угольщиков старались помочь командам боевых кораблей, беря на себя охрану мест погрузки и большинство грузовых работ. Да и сами эти суда, по уровню подготовки своих вольнонаемных экипажей, особенно рулевых и машинных команд, не говоря уже о капитанах и штурманах, приблизились к боевым кораблям и перестали быть обузой для всех, поэтому называть их, как и раньше, обозом, язык ни у кого уже не поворачивался.

К 23 марта подошли к Малаккскому проливу. При прохождении узости считалось весьма вероятным встретиться с японскими миноносцами и даже крейсерами. Еще 18 марта Рожественский был извещен морским министерством, что японцы, силами в два броненосных крейсера и шесть бронепалубных, прошли Сингапур еще 8 марта и готовы атаковать нашу эскадру в проливе. Поэтому, по распоряжению командующего, ход увеличили до 10 узлов. Крейсера Добротворского ушли вперед на разведку, имея приказ держать связь по радио и не отрываться далее чем на 30 миль. Миноносцы развели пары и, отдав буксиры, встали с обоих бортов от колонны главных сил, а первый крейсерский отряд развернулся во фронт, заняв позицию в двух милях впереди своих броненосцев. Транспорты шли в хвосте эскадры в трех кильватерных колоннах. По ночам на всех кораблях горели лишь гакобортные огни, и те вполнакала. Пушки были заряжены, и возле орудий посменно дежурили расчеты.

По пути попадались лишь рыбацкие джонки да каботажные пароходы, отгоняемые в сторону нашими миноносцами, не позволявшими приблизиться к колонне главных сил ближе, чем на полторы мили. Обещанных генштабом японцев так и не встретили.

Через двое суток прошли Сингапур и вошли в Тихий океан, снова сбавив ход до 6 узлов. Вскоре был обнаружен пароход, явно шедший на сближение. После обмена сигналами и предварительного досмотра выяснилось, что пароход зафрахтован русским консулом Рудановским для встречи эскадры и передачи почты и важных сведений. Как только это выяснилось, пароход пропустили внутрь ордера, и он, подойдя в плотную к борту «Суворова», передал свой груз.

При этом консул через рупор сообщил, что 5 марта в Сингапур заходили главные силы японского флота из 22 кораблей под флагом Того. Сейчас они у Лабуана на острове Борнео, а к проливу высылают лишь одиночные крейсера. Наша армия отступила к Телину, главнокомандующим вместо Куропаткина назначен Линевич, а Небогатов 25 марта вышел из Джибути.

Распрощавшись с консулом и поблагодарив его за хлопоты, двинулись дальше. Новости были весьма тревожные. Про Лабуан ходили слухи, что японцы купили там землю у русского еврея и оборудовали первоклассную военно-морскую базу, но достоверных сведений не имелось, за исключением того, что он с 1854 года является английской территорией, связан с Сингапуром подводным телеграфным кабелем и имеет статус свободного порта. В удобной и просторной гавани этого острова мог спокойно разместиться весь японский флот, а его географическое положение легко позволяло перехватить вторую эскадру на подходах к Индокитаю. Исходя из всего этого, можно было сделать вывод, что о появлении Рожественского японцы уже извещены и максимум через сутки следует ожидать появления их флота.

По эскадре была объявлена повышенная боеготовность. Машинным командам было приказано держать незадействованные котлы в готовности, чтобы в случае тревоги дать полный ход в течение часа. Фланговые дозоры миноносцев отошли на 6 миль от эскадры, имея между собой и броненосцами по одному кораблю для связи, а первый крейсерский отряд, развернувшись во фронт шириной 9 миль, ушел на 15 миль вперед. Между ними и главными силами были поставлены три вспомогательных крейсера для репетования флажных сигналов и семафоров. Работать рациями на передачу запретили строжайшим образом, только на прием, и немедленно докладывать о перехваченных подозрительных

телеграммах, если таковые будут. Эскадра готовилась к бою.

Многие этому были даже рады. Наконец-то все закончится, так или иначе. Все офицеры заняли свои места, согласно боевому расписанию, надев парадные мундиры и ордена. Матросы тоже оделись по первому сроку. Вскоре с кормы показался сначала дым, а затем посланный в разведку миноносец сообщил, что это английский четырехтрубный легкий крейсер. Быстро догнав эскадру, он отсалютовал флагом нашему адмиралу и удалился. При этом наши станции какое-то время принимали его шифрованные телеграммы, отправляемые неизвестному адресату.

Так шли до вечерних сумерек, потом поступила команда: «Экипажам обедать посменно». Наступила ночь. Рассеянный свет еще только зарождавшейся луны едва пробивался сквозь тучи. Фланговые дозоры и авангардная разведка подтянулись ближе, на расстояние прямой видимости. Сигнальная вахта была удвоена, остальные спали, не раздеваясь, на боевых постах.

С рассветом тучи рассеялись, и эскадра восстановила свой дневной строй. Видимость была до горизонта, но до обеда ни одного дымка нигде видно не было.

В начале первого часа пополудни чуть правее курса эскадры показались шесть дымов. Отправленный в разведку миноносец вскоре вернулся, а следом за ним показался английский крейсер. Пройдя сквозь наш строй и не отвечая на принятые в таких случаях приветствия, «англичанин» ушел за корму колонны броненосцев и вскоре вовсе пропал из вида, а станции беспроволочного телеграфа снова слышали подозрительное телеграфирование.

В начале третьего с «Наварина» передали семафором, что у них неисправность в правой машине и броненосец не может держать более 5 узлов хода. На ремонт нужно около четырех часов. Эскадра сбавила и без того небольшой ход, а старший инженер отправился на аварийный броненосец.

Томительно тянулись минуты и часы. Наконец в пятом часу над флагманским броненосцем взвился сигнал: «Командам обедать и отдыхать». Наскоро перекусив, матросы расходились по своим кубрикам и тут же засыпали. На всей эскадре лишь единицы уже бывали в бою, всем остальным это еще предстояло пережить, и нервное напряжение сжигало слишком много сил.

До темноты на горизонте пару раз были замечены одиночные дымы, и эскадра, сразу же после получения сообщения о них от своих дозоров, меняла курс. Рожественский вел свой флот в стороне от основных судоходных трасс, поэтому пароходов нам не попадалось, и если бы не английские крейсера, то мы бы вообще ни с кем не встретились.

Ночь также прошла спокойно. Машину на «Наварине» починили еще до заката, что несколько сбавило общее напряжение. Все на эскадре гадали, где же японцы? То ли мы сними счастливо разминулись, то ли они, рассчитывая на наш десятиузловой ход, которым был пройден весь Малаккский пролив, ищут нас где-нибудь впереди? Никто не знал ответов на эти вопросы.

С утра 27 марта капитан первого ранга Добротворский, подойдя на «Олеге» вплотную к борту «Суворова», через мегафон предложил командующему «сбегать до Лабуана, поискать японцев». Всех позабавило выражение «сбегать», относительно точки, отстоящей от эскадры почти в сутках хорошего хода. Однако предложение признали дельным, приказав в итоге отправить на вылазку к вражеской базе более быстроходный «Изумруд». А «Олега», как самого мощного из имеющихся загонщиков, оставить при флоте. Для поддержки с «Изумрудом» послали также еще и вспомогательный крейсер «Урал», имевший очень мощный передатчик. Командиры крейсеров получили строжайший приказ не лезть на рожон и возвращаться как можно быстрее.

На следующий день в 10 часов утра заработал беспроволочный телеграф на «Суворове». Была перехвачена непонятная телеграмма, состоявшая из правильно чередовавшихся знаков. Определить направление, откуда велась передача, не удалось.

К обеду на эскадре получили радиограмму с «Урала», что они возвращаются. Японский флот не обнаружен и, по словам капитана встреченного у Лабуана французского торгового судна, японцев там нет и не было с апреля месяца прошлого года, когда заходили на бункеровку два японских вспомогательных крейсера. Спустя час получили еще одну, такую же, телеграмму, передаваемую повторно, до получения квитанции о принятии сообщения. Но мощности передатчика флагманского броненосца не хватало, и потому крейсера продолжали слать депеши через каждые три часа, до утра 29 марта. И каждый раз минный квартирмейстер с «Суворова» передавал ответ с зашифрованными координатами точки рандеву. Наконец в начале девятого удалось установить надежную связь, и радио снова замолчало.

С момента получения повторной депеши эскадра увеличила ход до 12 узлов. На броненосцах снова началась учеба, по уплотненному графику. Однако дальние дозоры никто снимать не собирался, и они так и шли в состоянии полной боеготовности, пока перед обедом 29 марта справа от русского флота не показались сначала дымы, а затем уже и характерные силуэты русских крейсеров. Только после получения их подробного рапорта, в котором сообщалось также о появлении японских крейсеров и вооруженных пароходов у побережья Индокитая в конце февраля – начале марта этого года, с «Суворова» просигналили: «Отбой тревоги. Приступить к занятиям! Ход экономический», а крейсерам: «Молодцы! Хорошо сделано!»

На следующий день с утра решили устроить профилактическую остановку, чтобы осмотреть механизмы и при необходимости перебрать подозрительные узлы. Погода была тихая, и адмирал решил организовать катерные маневры, для проверки в деле некоторых последних идей. Потешная битва продолжалась до двух часов, так что ее успели посмотреть даже механики, закончившие свои работы к 11 часам. После окончания маневров объявили обед и двинулись дальше.

Подводя итоги более чем трехсуточного плавания в постоянном ожидании появления противника, можно было сделать не такие уж и плохие выводы. Никакой паники ни на одном корабле не наблюдалось, кроме того, выяснилось, что большинство из команд, скорее, ищут встречи с японцами, нежели желают просто проскочить мимо их флота.

У каждого для этого были свои мотивы. Кто-то хотел поквитаться за все, начиная с «Варяга» с «Корейцем» и внезапной ночной атаки порт-артурской эскадры, до своих издерганных, за долгий переход нервов, кто-то желал доказать, что все удачи Того – всего лишь стечение обстоятельств, и все еще можно изменить. Кому-то просто хотелось проверить себя в настоящем деле и, при случае, продвинуться по службе. Причины были разные, но, несмотря на то, что страшно было всем, включая даже ветеранов, никто не дрогнул и не сломался, а ведь ожидание смерти намного хуже самой смерти.

После возвращения крейсеров жизнь на эскадре вернулась в обычное русло. Снова маневры, стволиковые стрельбы, учебные атаки и снова маневры, после окончания которых миноносцы гасили свои котлы и шли на буксире. Но стоит заметить, что поломки на кораблях стали, скорее, исключением, нежели

правилом. И причина этому была лишь одна – повышение уровня профессионализма экипажей кораблей. К тому же, благодаря профилактическим остановкам, многих поломок удавалось избежать. Начало, наконец, сказываться фанатичное и самоотверженное исполнение своих обязанностей всеми корабельными механиками и инженерами-строителями. Изначально планировалось, что заводские инженеры пойдут с эскадрой лишь до Мадагаскара, но никто из них даже и не подумал отправиться домой на «Малайе», когда комплектовались штаты команд на дальнейший поход, лишь инженер с «Александра», с огромным сожалением, был вынужден отправиться домой, будучи списанным с корабля из-за болезни.

На «Камчатке» закончили изготовление блиндированных рубок артиллерийских наблюдателей, предназначенных для всех остальных кораблей эскадры (включая отряд Небогатова), и противоосколочной защиты артиллерии и боевых рубок. Необходимые подкрепления палуб и корпусных конструкций, для усиления артиллерии кораблей, согласно последнему распоряжению Рожественского, также были готовы. Теперь оставалось только достичь подходящей бухты, чтобы спокойно закончить работы и установить все это на свои места.

С дополнительными линиями связи, проложенными на всех кораблях телефонным кабелем, укрытым в стальной трубе, освоились довольно быстро, и уже совершенно не представляли себе, как можно было управлять не то что эскадрой, а даже одним современным кораблем без всего этого. Минимизация времени на прохождение команд позволила добиться очень важного преимущества, неоднократно подтвердившегося в многочисленных учениях, – быстроты реагирования без потери организованности эскадры.

Постоянные теоретические и стендовые проработки возможных приемов ведения боя обеспечили высокий уровень сплаванности кораблей, как в отдельных отрядах, так и в эскадре в целом, с лихвой компенсировав недостаток ценза у многих офицеров. Все сигналы, передаваемые флажным, световым или ракетным кодом с флагманских кораблей, исполнялись четко и незамедлительно. Маневры эскадры представляли собой уже не те судорожные подергивания, опасные, скорее, для своих, чем для противника, что наблюдали все в самом начале, а уверенные действия одного большого организма.

29 марта госпитальный «Орел» отправился в Сайгон, Шанхай и Цындао с почтой и телеграммами командующего. Кроме этого, имелось также и секретное

поручение. Корабль должен был негласно собрать добровольцев с наших кораблей, интернированных в этих портах, особенно с миноносцев. Местом рандеву была назначена бухта Камрань на побережье Индокитая, куда планировали прибыть 31 марта.

Глава 5

На подходах к месту нашей предполагаемой стоянки был обнаружен подозрительный пароход, сразу бросившийся от нас к берегу, в надежде укрыться среди тысяч мелких островков, видневшихся вдали. Посланный за ним «Изумруд» догнал его лишь через 40 минут погони на полном ходу. Отконвоированный к эскадре транспорт оказался английским угольщиком под немецким флагом с полным ходом более 16 узлов. Его капитан тут же выразил протест по поводу незаконного задержания, но его попросту проигнорировали, в то же время пояснив, что судно вело себя крайне подозрительно и будет подвергнуто самому тщательному досмотру, как только появится возможность. Пароход поставили в самый хвост колонны транспортов, чтобы он не мог многого разглядеть, и продолжили путь.

Едва добравшись до бухты Камрань, провели учения по развертыванию временной базы. Первыми в бухту через узкий проход, едва достигавший 20 кабельтовых в ширину, вошел тралящий караван из трех пар паровых катеров, шедших клином. Одновременно с тралением проводился предварительный промер глубин. Прикрывали тральщики четыре минных катера, спущенные с транспортов авангарда. Далее передовой отряд из четырех транспортов, идя след в след за двумя миноносцами разведки, вошел в бухту и немедленно спустил все катера, имевшиеся на палубах, для промера глубин и обвеховки фарватера. Уже через полчаса в гавань смогли войти транспорты снабжения, заняв предписанные каждому места. Катера и буксир «Русь», тем временем, развернули импровизированный бон, собранный из снятых с кораблей противоторпедных сетей, а плавмастерская «Камчатка», имевшая теперь весьма солидное вооружение из установленных на ней 10 трехдюймовок, выжатых Радловым у Политовского и Витте, заняла позицию сразу за сетью, взяв на прицел входной фарватер. Пока угольщики занимали свои места, транспорты первого эшелона подошли как можно ближе к входным мысам бухты и начали свозить на берег десантные пушки и пулеметы, тут же разворачивая береговые батареи в скалах, тщательно маскируя их позиции.

Рожественский наблюдал это все впервые. Не отрываясь от пятикратного бинокля и водя им по всей бухте, он с удовольствием восклицал:

– Ты посмотри, что творят! Эх! Молодцы, сукины дети!

А когда через полтора часа над «Камчаткой» взвился сигнал «Готовы к погрузке угля», приказал ответить сигналом «АДМИРАЛ ИЗЪЯВЛЯЕТ СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ» и лично отправился сначала на «Камчатку» а затем обошел все транспорты, береговые батареи и тыловые дозоры, развернутые на сухопутных подступах, благодаря матросов и офицеров за службу и усердие.

В глубине бухты имелся вход в еще одну бухту, внутреннюю, а на её берегу размещалась небольшая французская фактория. Она имела обустроенные набережные и была связана телеграфом с Сайгоном. Адмирал отправил туда делегацию офицеров с кораблей и от штаба.

Вернувшись, офицеры сообщили, что месяц назад в бухту заходила японская эскадра, но пришедшие из Сайгона французские миноносцы заставили её убраться. Более японцев поблизости не видели.

Приняв уголь, приступили к осмотру механизмов, но, едва начав ремонтные работы, вынуждены были свернуться, так как появился французский крейсер «Декарт» с контр-адмиралом де Жонкиером, командующим французской эскадрой Тихого океана на борту, который передал требование местных властей покинуть бухту. Пришлось перебираться в расположенную неподалеку бухту Ван-Фонг, оставив на подходах к Камрани дежурный вспомогательный крейсер – дожидаться госпитальный «Орел», прозванный на эскадре, за характерную окраску госпитального судна, «Белым Орлом».

Это неожиданное перебазирование позволило избавиться от попавшегося по пути подозрительного «англичанина». Все это время на нем продолжался вялотекущий «основательный досмотр». Отпускать его – значило сказать, где мы. Вполне возможно, что он занимался снабжением японских крейсеров и миноносцев. В то же время повода для задержания просто не было.

Едва из бухты вышли крейсера нашей разведки, командующий передал флажным сигналом приказ отпустить английский транспорт, ввиду выдвижения

на театр военных действий и начала маневров со стрельбами боевыми снарядами. Как только катер с досмотровой партией отвалил от его борта, пароход дал полный ход и, пробкой выскочив из бухты, сразу повернул на юг. Вскоре он совсем скрылся из вида, а наша эскадра двинулась на север, где в сорока пяти милях была назначена новая стоянка.

Бухта Ван-Фонг была просто огромной. Только вход в неё был шириной более шести миль, так что, разместив эскадру у самого входа в бухту и лишь транспорты поставив у берега, Рожественский формально французский нейтралитет не нарушал[16 - Запрещалась стоянка в трехмильной зоне территориальных вод нейтральных стран.].

Перейдя на новую стоянку, занялись переборкой машин. Все понимали, что эта остановка последняя, дальше уже до самого Владивостока остановок может не быть. Поэтому проверялось все с максимальной тщательностью. Одновременно велись артиллерийские учения без стрельбы. Отрабатывалась работа на максимальную скорострельность и быстроту наводки орудия на цель. Водолазы снова проверяли и очищали подводные части кораблей. Минеры-связисты проверяли и перепроверяли линии связи, основные и резервные. Мастеровые с «Камчатки» занялись демонтажем боевых марсов, там, где они еще сохранились, плановым усилением артиллерии, а также радикальным сокращением шлюпочного вооружения.

На каждом из крупных кораблей оставляли по одному малому катеру и шлюпки, не требовавшие для своего обслуживания мощных грузовых стрел и тяжелых шлюпбалок, не закрывавшие сектора обстрела. Все остальное безжалостно срезалось, из соображений разгрузки кораблей и обеспечения максимальных углов обстрела артиллерии. Кроме этого, Зиновий Петрович лично побывал на каждом корабле и проверил, как продвигаются работы по установке дополнительных 75-миллиметровых пушек на места 47-миллиметровок.

Штабом прорабатывали все вводные, какие только мог придумать «извращенный начальственный ум». Штурманы и старшие артиллеристы не отходили от моделирующих планшетов, прикидывая схемы «огневых мешков», «артиллерийских вилок и перекрестий», которые затем проверялись на практике обстрелом щитов. Командиры и флагманы обмозговывали – один за одним – варианты охватов, окружений и боевых построений, исходя из условий видимости, состояния моря, боеготовности флота и много чего еще, о чем даже подумать полгода назад никто бы не решился.

При этом Рожественский постоянно твердил всем офицерам своей эскадры: «Думать надо сейчас, а не в бою! Кто задумался во время сражения – считай, погиб. В бою надо лишь быстро выбрать нужный вариант из того, что придумаем сейчас. У японца сила и опыт, а у нас только решительность и натиск. Только быстрота и четкость наших действий могут принести победу. Того сюрпризов не любит, а от нас, скорее всего, и не ждет, потому мы должны делать все не так, как делали до нас. И каждое наше действие должно быть быстрым и смертельным, чтобы противник погибал раньше, чем поймет, что мы задумали. Наша главная задача – использовать все ошибки японцев и ни разу не ошибиться самим!», после чего давал новую вводную, которая опрокидывала напрочь, казалось, абсолютно безупречные выкладки и построения. И снова все начиналось с нуля. Снова прорабатывались варианты перестроений, направления огня и скорости движения. Когда заканчивалось общее собрание и командиры разъезжались по своим кораблям, каждому из них Рожественский давал еще и «задание на дом».

Сначала командиры кораблей решали полученные задачи на своих офицерских собраниях, а на следующий день на совещании штаба это все, в обязательном порядке, обсуждалось с командирами и флагманами. После чего в задаче изменялся какой-либо фактор (направление ветра, высота волны, освещенность и т. д.), и все начиналось с чистого листа.

К слову сказать, в большинстве случаев теперь решения находились почти сразу же на собрании, после чего их сообща обсуждали и выбирали лучшее, которое неизменно обкатывалось на планшете с моделями или на маневрах флота.

16 апреля, в великую субботу, учения и работы были отменены. По эскадре объявили выходной. До обеда все просто отдыхали, грелись на солнышке. Для желающих, каковых оказалось не мало, как среди офицеров, так и матросов, была организована рыбалка со шлюпок и катеров. Даже устроили соревнование по отрядам, кто больше наловит рыбы за час. Неожиданно для всех победил первый отряд миноносцев, несмотря на меньшую численность своей команды. Посчитав это случайностью, уравняли численность команд и провели второй раунд. На этот раз победитель был снова тот же, но отрыв уже гораздо больше. На этом споры прекратились, а призовой фонд в виде ящика шустовского коньяка перекочевал на миноносцы, после чего с их офицеров потребовали объяснения этого феномена. А объяснилось все просто. Часть пути миноносцы шли на буксирах, что освобождало часть их экипажей от повседневной работы и позволило получить некоторый практический опыт рыбалки в местных условиях.

Корабли, не занятые в несении дозорной службы, украшали к Пасхе. В воскресенье прошли молебны и прочие праздничные мероприятия. Для команд, по распоряжению командующего, был приготовлен праздничный обед и ужин. В корабельных пекарнях пекли куличи и пироги с наловленной рыбой.

Адмирал на катере обошел все корабли эскадры, украшенные по случаю праздника флагами, и поздравил экипажи со Светлым Христовым воскресеньем, заодно проверив состояние механической и артиллерийской части. В разговорах с матросами, особенно старослужащими, даже как бы советовался о правильности и нужности проводимых занятий. Особенно внимательно слушал тех, кто был с чем-то не согласен, но обязательно требовал от них конкретных предложений, а не огульной критики всего и вся.

В кают-компаниях кораблей он задерживался на несколько минут, беседуя с офицерами, записывая в свой блокнот их соображения, касающиеся боевой подготовки и условий службы, иногда сразу раздавая поручения сопровождавшим его штабным офицерам. Проверялись графики учебных занятий. При этом они тут же дополнялись и корректировались, где в этом была необходимость.

Глава 6

А на следующий день перед обедом встречали пополнение, которое не ожидал никто, кроме Рожественского, конечно.

Еще рано утром дозорные крейсера сообщили, что видят дымы, приближающиеся с юго-запада. Немедленно была объявлена боевая тревога. Начали разводить пары, экипажи заняли свои места согласно боевому расписанию. Готовились к бою, считая что нас нашли японцы и это их разведка, вслед за которой надо ждать и самого Того. Вскоре эскадра начала вытягиваться из бухты для решительного сражения, но оказалось – для торжественного парада. Еще даже не успели выйти из гавани все броненосцы, как с разведки получили телеграмму, что это наши. Пришли владивостокские крейсера «Россия» и «погибший на камнях» красавец «Громобой».

Их встречали громом оркестров и орудийным салютом. Крейсера доставили свежие газеты, где снова сообщалось о крупных силах японского флота, ищущих нас у Сингапура и далее на восток.

Выйдя из Владивостока, наши рейдеры скрытно форсировали Сангарский пролив и, в обход Японии, пришли в точку рандеву, назначенную им кодовой телеграммой, отправленной через нашего консула Рудановского из Сингапура.

Не найдя там нашего флота, они, следуя полученным еще дома инструкциям, двинулись к побережью Индокитая в район бухты Камрань. На подходах к бухте перехватили несколько наших телеграмм, адресованных вспомогательным крейсерам, дежурившим там, и уже по ним, удачно определив пеленг, вышли на нас.

Неожиданное появление этих двух мощных кораблей вызвало резкий подъем в настроении на всех без исключения кораблях эскадры. Теперь стала понятной возникшая пауза в практических занятиях эскадры. В них просто не было смысла без этой пары «цепных псов», как их называли японцы, в корне менявших весь тактический рисунок ведения боя.

Теперь предстояло в срочном порядке подтянуть ветеранов – новичков до уровня всей эскадры, как в учебном, так и в техническом смысле. Морякам, видевшим владивостокские крейсера до войны, сразу бросались в глаза доработки, сделанные на них по опыту боев. Погонные и ретирадные орудия теперь могли стрелять по траверзу, а часть палубных трехдюймовок была заменена на шестидюймовый калибр. Причем вокруг палубных открытых установок были сооружены брустверы из коечных сеток. Это перевооружение довело общее число шестидюймовок до 22 стволов на корабль! Из них 12 в бортовом залпе![17 - Столь многочисленной среднекалиберной батареи не было ни на одном корабле, до появления дредноутов.] И при этом ни одного современного дальномера![18 - Во Владивосток современные дальномеры попали уже после войны, а на крейсерах Иессена стояли угломеры Мякишева, малоэффективные в принципе и почти бесполезные на средних и больших дистанциях.]

Адмирал немедленно отправился на броненосные крейсера, в сопровождении штаба и инженерной свиты. Едва дослушав доклад начальника отряда контр-адмирала К. П. Иессена, Рожественский обнял и расцеловал его, не в силах более сдерживать своей радости. Несмотря на то, что весь переход

владивостокского отряда был им детально проработан, в возможность его осуществления командующий боялся поверить. Ведь неизбежные на море случайности невозможно учесть даже в самых точных расчетах, а с самого начала войны все эти случайности, как нарочно, работали на японцев.

По столь знаменательному поводу занятия до конца дня были отменены, а экипажам к обеду и ужину выдали двойную винную порцию.

В кают-компании флагманского «Суворова» также состоялся грандиозный ужин с участием всех командиров и флагманов, затянувшийся чуть ли не до полуночи. В ходе фуршета вновь прибывшие офицеры были ознакомлены со всеми новинками, до которых додумались на второй тихоокеанской эскадре за последние месяцы. Сами владивостокские офицеры, в свою очередь, излагали свои соображения о предстоящем бое исходя из собственного бесценного боевого опыта.

С особым вниманием ознакомились с инструкцией, разработанной еще в 1903 году флагманским артиллеристом владивостокского отряда крейсеров лейтенантом бароном В. Е. Гревеницем, в которой предусматривалась стрельба на дальность до 60–70 кабельтовых. Автора тут же зачислили в штаб, чтобы он имел максимум возможностей для внедрения своей методики на кораблях эскадры. Пробел в оснащении крейсеров дальномерами было решено исправить в ближайшее время за счет остальных кораблей эскадры.

Лишь без четверти двенадцать Рожественский предложил отправиться всем спать, сказав, что на освоение новых видов и способов связи не может выделить более двух дней и что минерам за этот срок нужно успеть доработать системы внутрикорабельной связи броненосных крейсеров до общеэскадренных стандартов. Это новое и емкое выражение как-то почти случайно ввел в обращение сам командующий.

Рожественский планировал начать движение к берегам Японии через три, самое большее – пять дней после прихода «России» и «Громобоя». Как только будет закончено их оснащение уже готовыми артиллерийскими рубками и противоосколочной защитой, что было бы затруднительно делать на переходе. После выхода, проведя по пути несколько учений в новом составе эскадры, планировалось добиться достаточного уровня сплаванности кораблей, но вернувшийся 20 апреля «Белый Орел», привез телеграмму из генштаба с прямым приказом: «Ждать Небогатова!» Кроме того, был доставлен рапорт контр-

адмирала Н. К. Рейценштейна от 1 сентября 1904 года.

Прорвавшись 28 июля 1904 года с боем в Шанхай на крейсере «Аскольд», Рейценштейн был вынужден интернировать там лучший русский крейсер Тихого океана из-за полученных боевых повреждений. Благодаря появившемуся после этого времени, он имел возможность проанализировать ход боев с японским флотом, в которых участвовал с самого начала войны. Итоги этого анализа он изложил в рапорте, в котором обобщал свой боевой опыт. К нему прилагалась также записка об основных тактических приемах, применяемых японским флотом, и возможных мерах противодействия им. Особо выделялось то, что к решительным и неожиданным действиям российского флота противник, как правило, не готов и теряется, не успевая реагировать.

Вторым очень полезным и важным документом была записка, составленная офицерами интернированных «Цесаревича» и миноносцев, составленная 30 сентября 1904 года. В ней также содержался анализ тактических приемов, применявшихся японцами, и предварительные способы противодействия им, исходя из полученного опыта.

Эти бесценные бумаги были тут же отправлены на изучение сначала штабом командующего, а после перепечатывания в режиме строжайшей секретности еще нескольких экземпляров – флагманам и командирам. Прибывшее на «Белом Орле» пополнение из добровольцев распределили между кораблями, в первую очередь между бронепалубными крейсерами и миноносцами, имевшими самую большую убыль в экипажах по болезни. Начиная с вечера 20 апреля, начались ежедневные выходы в море на учения, причем нередко корабли возвращались в бухту уже на рассвете следующего дня.

Одновременно на владивостокских крейсерах не прекращались работы по их разгрузке. Снимались мелкие пушки, минное вооружение, противоторпедные сети и все, что имело к ним отношение. Облегчался рангоут и шлюпочное вооружение. Вокруг палубных шестидюймовок, на месте прежних брустверов, устанавливались импровизированные казематы из двенадцати 18-миллиметровых стальных листов, обеспечивавших достаточно надежную защиту от осколков. Подобную защиту планировали установить еще во Владивостоке, но не успели[19 - Такие казематы были установлены на «России» и «Громобое» во Владивостоке летом 1905 года. Они обеспечивали защиту только от осколков.]. Монтировались на свои места блиндированные наблюдательные рубки, брустверы из котельного железа вокруг дымовых труб и противоосколочные

экраны на амбразуры боевых рубок.

В то же время на «Камчатке» заканчивали изготавливать стандартные комплекты дополнительной защиты и артиллерийские рубки для кораблей ожидаемой третьей тихоокеанской эскадры. Плавмастерская уже давно работала без выходных и круглые сутки. Огромный объем работ по поддержанию в работоспособном состоянии всей механической части эскадры и дополнительные работы, связанные с доработками систем связи и управления на всех кораблях и повышением их боевой живучести, не оставляли времени для отдыха.

Даже когда по всей эскадре объявляли выходной, мастеровых с «Камчатки» это не касалось. У них были сроки, были конкретные задачи, от выполнения которых зависели многие жизни, поэтому деваться было некуда. С другой стороны, для «Камчатских» был введен «офицерский паек», они освобождались от погрузочных и иных работ, не связанных со своими прямыми обязанностями. К тому же Рожественский добился оплаты сверхурочных часов в тройном размере. Но при этом все изделия принимал лично или поручал это Политовскому, а брак заставлял переделывать уже в свободное от рабочих смен время с вычетом стоимости материалов из жалованья.

На «Авроре» небольшие щиты из 25-миллиметровой брони у пушек главного калибра были увеличены приклепанными накладками из стали, толщиной от 8 до 12 миллиметров. Трехдюймовки с батарейной палубы были сняты (кроме двух орудий в кают-компании), а их порты заделаны наглухо. При этом на позициях четырех кормовых 75-миллиметровок на верхней палубе установили шестидюймовки. В фальшборте были расширены соответствующие вырезы, а палубы усилены и установлены самодельные фундаменты. Для повышения боевой живучести 75-миллиметровки устанавливались в небольших выгородках из той же листовой стали, прикрывавших орудия с боков. В теперешнем варианте вооружение этого крейсера было таким же, как и у «Олега», по двенадцать шести- и трехдюймовых орудий, из них в бортовом залпе семь 152-миллиметровых и шесть 75-миллиметровых.

На «Наварине» над ходовой рубкой появился блиндированный дальномерный пост, прикрытый 12-миллиметровыми стальными листами. Дополнительно к четырем запланированным 120-миллиметровкам установили еще восемь трехдюймовок, в дополнение к четырем штукам, установленным еще на Балтике. По два орудия поставили на каждую башню, взамен имевшейся там

одной 47-миллиметровки. Причем орудия, обнесенные легким противоосколочным бруствером с кранцами первых выстрелов, установили в задней части крыши башен, что несколько уменьшило неуравновешенность установок в целом. А еще четыре трехдюймовки разместили на крыше каземата и у грот-мачты. Теперь на старом броненосце стало четыре 305-миллиметровки; восемь 152-миллиметровых орудий старых моделей, четыре 120- и двенадцать 75-миллиметровых скорострельных пушек.

Для получения хороших секторов обстрела был больше чем на половину высоты срезан фальшборт над казематом, ставший однослойным (без полок под койки экипажа), и все ростры. Оставшиеся шлюпки и малый катер теперь размещались на палубе между световыми люками и на бортовых шлюпбалках. Деревянные настилы палуб, мебель и обшивка рубок, кают и других помещений были разобраны и отправлены на транспорты, вместе с навесной палубой и переходными мостиками. Общий вес снятого имущества и конструкций уже приближался к 1000 тонн, и теперь, несмотря на довооружение, осадка броненосца с полными запасами уменьшилась больше чем на фут, и над водой возвышалась почти половина главного бронепояса.

«Сисой» обзавелся такими же «надбашенными» трехдюймовками, что и «Наварин», а на месте установленных еще в Петербурге четырех 75-миллиметровых пушек на крыше каземата поставили четыре 120-миллиметровые, придвинув их вплотную к борту, для увеличения секторов обстрела, прикрыв щитами и выгородками и оборудовав легкие спонсоны. Срезали фальшборт на спардеке и установили прежние четыре 75-миллиметровки – по две под командирским и кормовым мостиком. В батарейной палубе и на спардеке устроили траверзы из котельного железа, для защиты прислуги орудий от осколков. Также сняли все ростры, шлюпбалки и лишние грузовые стрелы, опустив единственный оставшийся на броненосце малый катер и 12-весельный баркас прямо на палубу, между световыми люками машинного отделения. Дерево с палуб и из отделки кают также безжалостно было удалено, заодно с обширной навесной палубой, простиравшейся ранее от мостика почти до второй трубы.

По примеру этих двух броненосцев, со всех кораблей эскадры начали в авральном порядке свозить на транспорты деревянные настилы палубы, мебель, отделку и прочее дерево, оставляя лишь необходимый запас для заделки пробоин в бою. Дальше всех в этом пошел экипаж броненосца «Орел», с которого, по рекомендации судового инженера Костенко, даже невзирая на

робкие протесты командира, убрали всю отделку офицерской кают-компании и офицерской столовой. Теперь вместо всего этого на нем оставили лишь адмиральский салон, расположенный в надстройке меж барбетов кормовых шестидюймовых башен. Но и там все было по-спартански, никаких деревянных излишеств.

Кроме того, Костенко приспособил трюмное оборудование на этом броненосце для выравнивания крена без каких-либо переделок, используя только систему быстрого перепускания имеющейся на борту воды для бытовых и прочих нужд в бортовые отсеки. Это позволяло спрямлять крен, вызванный боевыми повреждениями, не принимая забортной воды и гораздо быстрее. Были также загерметизированы носовой и кормовой броневые траверзы в средней батарее и носовой в кормовом каземате, а водонепроницаемая переборка на 17-м шпангоуте прочеканена и усилена, что позволило разделить батарейную палубу на пять изолированных отделений, ограничивающих распространение воды.

Узнав об этом, Рожественский лично прибыл на корабль, при первой же возможности. Осмотрев все помещения и поговорив с трюмным квартирмейстером и его людьми, он остался очень доволен, сказав командиру броненосца, капитану первого ранга Н. В. Юнгу, что он может гордиться своими офицерами.

В тот же день командующий подписал приказ, обязывающий всех командиров кораблей озаботиться мерами непотопляемости, противопожарными и разгрузочными мероприятиями по примеру броненосцев «Орел», «Наварин» и «Сисой», и назначил офицеров из своего штаба для проверки исполнения этого распоряжения.

Наибольшее сопротивление эта кампания встретила на корабле гвардейского экипажа «Александр III», офицеры которого ни в какую не желали избавляться от роскоши и были категорически не согласны убрать даже ковры из отделки кают. Лишь прямой и однозначный приказ адмирала заставил их подчиниться, но при этом двое написали рапорт на списание их с эскадры, ввиду нежелания мириться с произволом командующего. Их отправили в Сайгон с первой же оказией, но при прощании многие офицеры даже не подали им руки.

На «Адмирале Нахимове» снятые шлюпбалки и паровые минные катера позволили очистить палубу к носу от средних барбетов главного калибра. Теперь его носовой залп равнялся бортовому из шести стволов 203-миллиметрового

калибра. Правда, к этому стоило прибегать лишь при крайней необходимости, так как был риск повреждения надстроек и палуб дульными газами. Некоторые доработки в технической части и интенсивные тренировки расчетов позволили увеличить боевую скорострельность главного калибра старого крейсера до одного залпа в минуту, а шестидюймовок до гарантированных двух. Взамен снятой мелочевки он получил теперь десять 75-миллиметровок. Противоминных пушек. Навесную палубу на нем также начали разбирать силами команды, а в батарее появились поперечные переборки, отделявшие орудия и защищавшие их расчеты от осколков. Получили импровизированные прикрытия и пути подачи боеприпасов к орудиям.

«Дмитрий Донской» облегчил свои мачты, избавившись от боевых марсов, зато в батарее появились траверзы из листовой стали, а на палубе – шесть 75-миллиметровок. По шесть таких орудий получили также и крейсера второго ранга, что существенно усилило их вооружение и заполнило образовавшийся пробел в противоминном калибре, после снятия 47-миллиметровой артиллерии.

Облегчение кораблей на эскадре стало просто навязчивой идеей. Все, что не нужно в бою, откручивалось, срезалось и убиралось прочь. В то же время максимально прикрывались элеваторы подачи боеприпасов и пути доставки снарядов к орудиям, головки и стояки пожарных магистралей, линии внутрикорабельной связи и рулевого управления, динамо-машины. В общем, все, от чего зависела боевая живучесть корабля.

При этом ни на один день не прекращались учения с частыми и долгими выходами в море, что к тому же давало командующему право утверждать, что нейтралитет Франции не нарушается, так как корабли не стоят в бухте, а лишь заходят для пополнения запасов и необходимого ремонта.

Катерные учения также не прекращались, но проводились теперь в основном ночью. На все катера были набраны постоянные экипажи, занимавшиеся перевооружением своих корабликов днем. Штатное вооружение минного катера теперь состояло из одного трубчатого или двух бугельных минных аппаратов. Запасные торпеды и метательные аппараты убрали, что позволило разместить на 56-футовых катерах одну 47-миллиметровую пушку и два пулемета. Прочие катера вооружались одной пушкой калибра 37 или 47 миллиметров или пулеметом. Тщательный уход и обильная смазка бугельных аппаратов в разы повысили их надежность, и их теперь не клинило при попытке выстрела, как на Мадагаскаре, а частые практические стрельбы позволяли надеяться на

реальный результат в случае столкновения с противником.

Огромное облегчение в жизни экипажей обеспечило также и появление штатных грузчиков, выполнявших все погрузочные работы и активно помогавших в перестройках кораблей. Это позволило сосредоточиться исключительно на боевой подготовке и совершенствовании вооружения, где успехи были явные. После доработки башен «Сисой Великий» и «Наварин» теперь уверенно выдавали по два залпа за три с половиной минуты из главного калибра. На «Наварине» часть зарядов из бурого пороха была израсходована на учебных стрельбах, а все оставшиеся выгружены на транспорты, после чего их место в погребах заняли новые из бездымного, для всей его древней артиллерии. Для ожидаемого с Небогатовым «Николая I» тоже был приготовлен усиленный боекомплект с новыми бездымными зарядами. К сожалению, для «Нахимова» такие заряды были лишь для шестидюймовок, и он окутывался облаком дыма после каждого залпа главного калибра, так что видеть падение своих снарядов иногда могли лишь с высоты блиндированной рубки.

Кстати говоря, корректировка огня на большие дистанции (начиная от 25 кабельтовых) из этих самых рубок оказалась намного точнее. Кроме того, из них с помощью артиллерийских указателей Гейслера можно было управлять огнем кораблей в условиях, когда башенные и другие наводчики совершенно не видели целей из-за погодных условий. Это преимущество было абсолютным и неоспоримым. Рожественский назвал этот способ ведения огня «центральной наводкой орудий». Теперь на учебных стрельбах отрабатывался в большей степени этот метод управления огнем корабля в бою. Это, совершенно незначительное на первый взгляд, улучшение позволяло добиваться гораздо большей концентрации огня на любой цели, в разы уменьшив влияние состояния моря на точность стрельбы.

Все миноносцы были оборудованы телефонизированными «вороньими гнездами» на фок-мачтах, что позволило расширить горизонт наблюдения до 9–10 миль, как с мостиков крейсеров. Причем на этом расстоянии уже можно было гарантированно опознать встречный корабль, самому оставаясь за горизонтом (хотя, конечно, наблюдателям приходилось не сладко и более часа в «гнезде» никто не выдерживал).

23 апреля снова пришел французский крейсер, сообщивший, что он обошел все бухты на побережье и японцев нигде не обнаружил, однако местные власти убедительно просят нас перебраться в бухту Куа-Бе, в 20 милях к востоку от

теперешней стоянки. Пришлось снова перебазироваться, отправив к дежурившему у Камрани, в ожидании Небогатова, «Тереку» миноносец с сообщением об изменении дислокации. Так как на эскадре, после прихода крейсеров Иессена, нашедших нас по нашему радиообмену, ввели запрет на радиопередачи.

Глава 7

Наконец 26 апреля около двух часов пополудни появились корабли третьей тихоокеанской эскадры Российского флота под командованием контр-адмирала Н. И. Небогатова. Впереди шел флагманский «Император Николай I», за ним три броненосца береговой обороны: «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал – адмирал Апраксин». Замыкал колонну старый броненосный крейсер «Владимир Мономах», брат «Дмитрия Донского».

В момент появления кораблей Небогатова наша эскадра находилась в море, отрабатывая совместное маневрирование против вражеской разведки. Немедленно после обнаружения дымов на горизонте в обход них был направлен первый крейсерский отряд, с целью отрезать их от берега, в то время как основные силы, усиленно дымя, начали оттягиваться в сторону открытого моря, выслав вперед второй крейсерский отряд, усиленный «Россией» и «Громобоем». Через двадцать минут полного хода Добротворский с Иессеном повернули на юг, образовав вторую клешню, охватывающую обнаруженные дымы со стороны моря. Затем поотставшие от своих крейсеров броненосцы также легли на южный курс, атакуя в лоб.

Благодаря всем этим маневрам, на третьей эскадре обнаружили сразу три сильных отряда, приближавшиеся к ним с трех сторон одновременно. При этом единственным способом спастись был немедленный разворот на обратный курс и полный ход. Но выполнение этого маневра неизбежно вело к потере времени и скорости, а в условиях боя и под перекрестным огнем – еще и к вероятности потери строя из-за повреждений и ухудшения управляемости.

Как только обнаруженные дымы были опознаны, с «Суворова» передали по радио: «Всем кораблям второй эскадры! Молодцы! Хорошо сделано! Приветствовать пополнение парадным строем и артиллерийским салютом!»

Один за другим наши отряды сближались с третьей эскадрой вплотную и ложились на параллельный курс, салютуя сначала флагом, а потом артиллерией. Экипажи стояли на палубах в парадном строю, гремели корабельные оркестры.

К бухте Небогатов подходил под эскортом почетного караула из наших броненосцев впереди и крейсеров по бортам. Что и говорить, встреча получилась эффектной и впечатляющей. Теперь уже это была не эскадра, а целый флот. Жаль только, что значительную его часть составляли устаревшие корабли, либо корабли, не годные для эскадренного боя. Нужно было крепко подумать, как использовать всю эту разносортицу в бою, чтобы выжать максимум пользы.

По прибытии на стоянку состоялось совещание штаба и флагманов. Вновь прибывший адмирал доложил, что пришедшие с ним корабли исправны и готовы к продолжению похода. В пути дважды проводились стрельбы всеми калибрами с выверкой дальномеров между ними. Результаты вторых стрельб на дальности от 25 до 60 кабельтовых были вполне приличными. Все щиты были разбиты. С эскадрой пришли 7 транспортов, плавмастерская «Ксения», госпитальное судно «Кострома» и буксир «Свирь».

Прибывших офицеров, вкратце, ввели в курс всего, происходящего на эскадре, и приступили к разработке планов ведения боя, исходя из имеющихся теперь сил. Инженерные службы эскадры незамедлительно занялись разработкой планов разгрузки прибывших кораблей и необходимых доработок. Время поджимало, поэтому решено было ограничиться прокладкой дополнительных линий связи и заменой малокалиберной артиллерии и пулеметов трехдюймовками. Естественно, удалялось излишнее шлюпочное вооружение и все оставшиеся минные аппараты, так же как и мины заграждения с противоторпедными сетями и их оборудованием.

Эти работы были выполнены в двухдневный срок. Все остальное, в том числе и блиндированные артиллерийские рубки, планировалось установить по возможности на переходе (но до Владивостока этого так и не успели сделать, лишь оборудовав артиллерийские посты на опустевших боевых марсах броненосцев береговой обороны и «Николая I»). Все корабли наконец собравшейся эскадры были перекрашены в серый защитный цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Специально приспособленные для погрузки угля прочные мешки, сшитые из двойной парусины и обшитые по краям тросами. Твердые, кубической формы. Стояли в трюме словно корзины, что позволяло насыпать в них уголь сразу трем грузчикам. Каждый мешок вмещал до семнадцати пудов угля (272 кг).

2

«Угольным помешательством» назвали на эскадре стремление Рожественского максимально загрузить корабли углем. Так, при бункеровке в Танжере углем завалили бани команды, коридоры, часть котельных отделений и жилых палуб. Условия жизни при этом становились просто адскими, учитывая тропическую жару, неизбежную грязь и проникающую всюду угольную пыль.

3

Таким образом были доработаны установки однотипного броненосца «Слава» в ходе его службы.

4

В 1915 году эти работы провели на броненосце «Слава» силами экипажа и судовыми средствами.

5

В ходе службы броненосца «Слава» средняя батарея была все же ликвидирована, а ее орудийные порты заделаны броней.

6

До 1887 года на вооружении состояли так называемые «тяжелые» снаряды, имевшие большую массу при том же калибре. Применение «легких» снарядов теоретически должно было обеспечить более настильную траекторию на считавшихся тогда вероятными дистанциях боя до 25 кабельтовых и соответственно большую точность стрельбы. Фактически выигрыш в точности был небольшим, а бронепробиваемость на расстояниях свыше двух миль быстро падала.

7

Со второй тихоокеанской эскадрой должен был идти крейсер-аэростатоносец «Русь», перестроенный из германского парохода «Лахн». На эти работы граф С. А. Строганов пожертвовал полтора миллиона рублей золотом. На «Русь» установили все самое современное оборудование. Он должен был нести вооружение из четырех змейковых аэростатов системы Персиваль, одного сферического шара для свободных полетов, четыре сигнальных аэростата для радиоантенн и комплект воздушных змеев для подъема наблюдателя. Водород вырабатывали три установки электролиза. Но главным был ангар, где хранились

уже готовые к запуску аэростаты. Ремонтировали и перестраивали крейсер в Дании под руководством Инсена. Но когда, уже в Либаве, устанавливали вооружение, выяснилось, что котлы и машины даже не чистили, хотя по бумагам значилось, что они отремонтированы. В результате крейсер не смог отправиться с Рожественским. Его спешно отремонтировали и подготовили к выходу с Небогатовым, но почти сразу потекли холодильники, а в фундаментах главных машин появились трещины. Крейсер так и остался на Балтике, а после войны пошел на слом.

8

В январе 1905 года на вооружение русского флота был принят 75-миллиметровый шрапнельный снаряд, начиненный 184 стальными пулями диаметром 12,7 мм. Дистанционный взрыватель (трубка) обеспечивал задержку до 22 с, что давало максимальную дальность в пределах 6,4 км.

9

Имеется в виду письмо Макарова, написанное им накануне атаки Порт-Артура японцами, в котором он указывал на уязвимость эскадры на внешнем рейде и неготовность к войне.

10

Фактически, в настоящей истории, с Черного моря ничего не доставляли, а пополнения боезапаса и необходимые для ремонта механизмов материалы так и не были получены. Уголь доставляли только пароходы Гамбургско-Американской компании.

11

Добротворский служил старшим помощником на крейсере «Владимир Мономах», когда им командовал Рожественский.

12

За время стоянки у Мадагаскара учений почти не было. Перебрали механизмы, очистили подводные части, но отдыха для экипажей не получилось из-за тяжелых условий жизни на заваленных углем кораблях и изнуряющей жары.

13

При стрельбе торпедами в то время применялась стрельба одной торпедой. Залповых стрельб не было. Прицеливание производилось в середину корпуса корабля неприятеля. Поправки на скорость почти не учитывались, поэтому вероятность попадания была небольшой.

14

Подобный принцип торпедной стрельбы прорабатывался в русском флоте с начала XX века, а практически был применен в годы Первой мировой войны.

15

На броненосце «Наварин» стояли устаревшие нескорострельные орудия, а башни главного калибра не были полностью уравновешены, в результате чего при их развороте образовывался небольшой крен на стреляющий борт.

16

Запрещалась стоянка в трехмильной зоне территориальных вод нейтральных стран.

17

Столь многочисленной среднекалиберной батареи не было ни на одном корабле, до появления дредноутов.

18

Во Владивосток современные дальномеры попали уже после войны, а на крейсерах Иессена стояли угломеры Мякишева, малоэффективные в принципе и почти бесполезные на средних и больших дистанциях.

19

Такие казематы были установлены на «России» и «Громобое» во Владивостоке летом 1905 года. Они обеспечивали защиту только от осколков.

Купить: https://tellnovel.com/protasov_sergey/cusimskie-hroniki-my-prishli

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити